

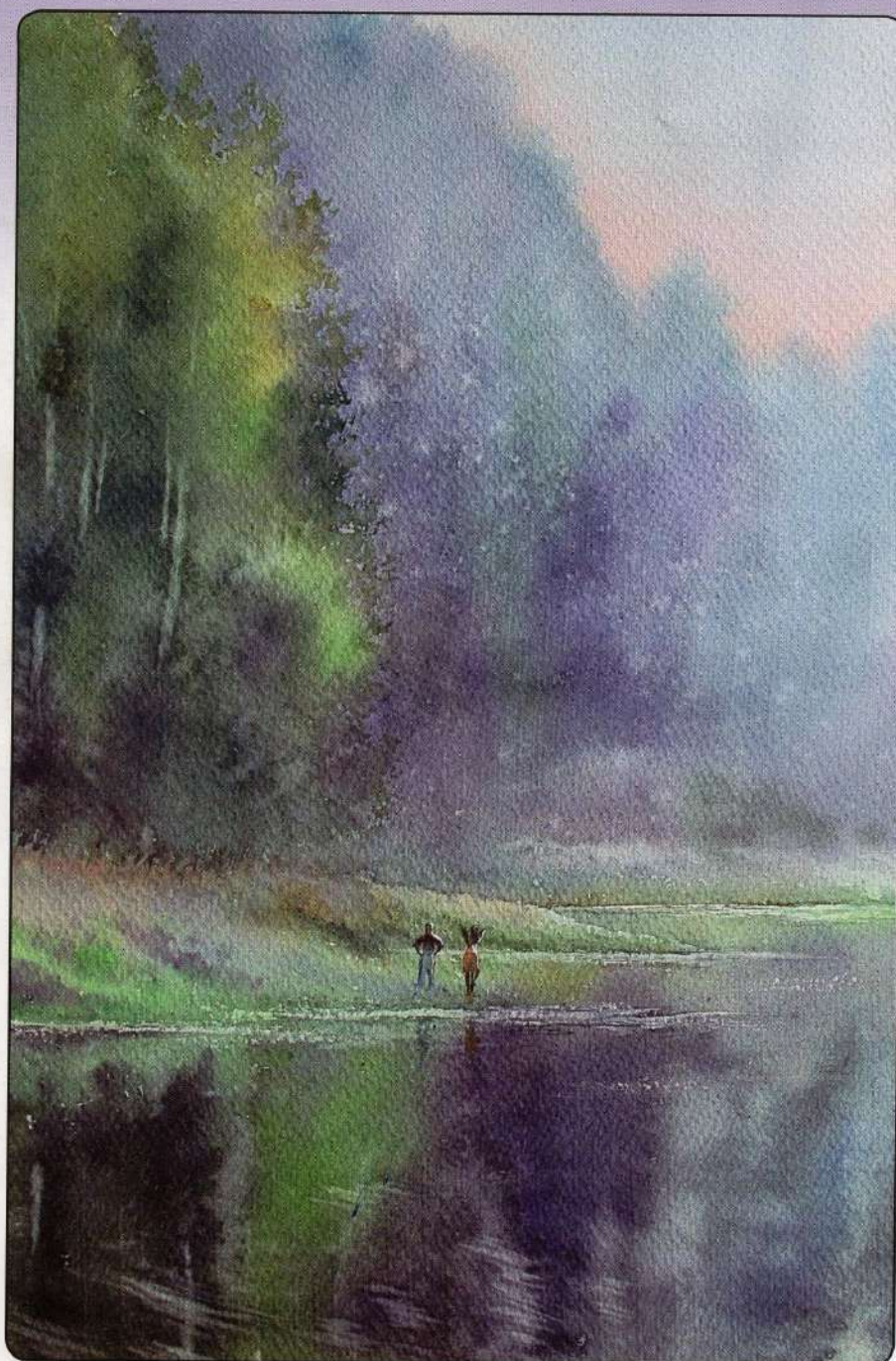
РОМАН-ГАЗЕТА етская

■ 2018 (229)

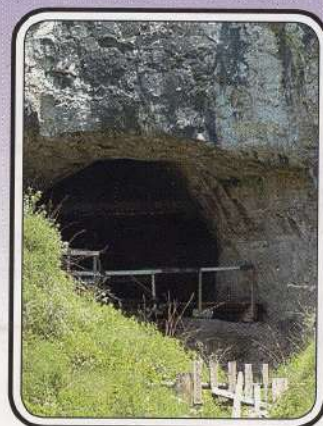

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Гордая слива

Пою привет хвалебный лету
И солнца знойному лучу..
Но что рождает песню эту,
Восторг иль грусть, — не различу.
Алексей Жемчужников

В. Булатов. Лето. 2017 г.

УГОЛОК РОССИИ:
Денисова пещера

РАССКАЗЫ:
Конь

РАССКАЗЫ:
Димка-буксир

Б. Кустодиев
Лето
(Поездка
в Терем)
1918 г.

В номере:

- 3 Анатолий Соболев
Ван Гог из шестого класса
- 14 Виктор Сидоров
Димка-буксир
- 16 РУССКИЙ МУЗЕУМ
Валерий Тихонов
Мозаика времён года
- 21 УГОЛОК РОССИИ
Елена Огаркова
Денисова пещера
- 23 РАССКАЗЫ
Виктор Бычков
Конь
- 26 СТИХИ ПОЭТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
Ольга Такмакова. **Песня моего детства**
Валентина Новичихина. **Откуда берутся дети?**
Валерий Тихонов. **Будущий форвард**
Валентина Крюкова. **Где ты, мама?**
- 27 СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК
Ирина Цхай
Гордая слива
- 28 ИМЕНА
Татьяна Подольская
Космонавт № 2
- 30 ЖИВОЙ УГОЛОК
Владимир Свинцов
Мой друг Сенька
- 32 БУХТИНЫ
Елена Ожич
Ради любви к искусству

Главный редактор
Юрий Козлов
Зам. главного редактора
Екатерина Рощина
Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Олег Болдырев

Компьютерная верстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге
«Пресса России»
38916 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
123007, Россия, Москва,
Хорошёвское шоссе, 38
тел. +7(499) 762-63-02;
факс +7(495) 941-40-66
e-mail: kz@redstar.ru,
www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 2441-2018

© «Роман-газета», 2018 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

**Редакция благодарит за
помощь в подготовке номера
Алтайскую краевую детскую
библиотеку**

Дорогие друзья!
Этот номер посвящён
Алтайскому краю

Алексей Власов Доброта

Доброта приходит в гости
Без зонта и без сапог.
Разгрызёт шнурки и кости
И уляжется у ног.
Доброту зову я Гришей,
Нежно глажу по спине...
Он не будет в доме лишней,
Потому что верит мне.

Доброта мне скажет: «Мяу» —
И увяжется за мной.
Съест котлетку, съест сметану!
Бант на шее, хвост трубой!
Доброту зову я Васей,
Нежно глажу по спине...
Он согласен, он согласен,
Потому что верит мне.

Доброта стучит в окошко,
Я впускаю её скорей.
Обморозил клюв и ножки
Этот глупый воробей.
Назову его я Гошей
И поглажу по спине...
Он хороший, он хороший,
Потому что верит мне.

Словно цветик-семицветик,
Словно аленький цветок,
Доброта живёт на свете.
Ты ищи её исток
В колыбельных песнях мамы,
В песнях Родины своей
И в глазах у самых-самых —
Самых преданных друзей.

Цукина Цукай,
с пожеланием
счастья! у

22.03.18.

Власов

Власов

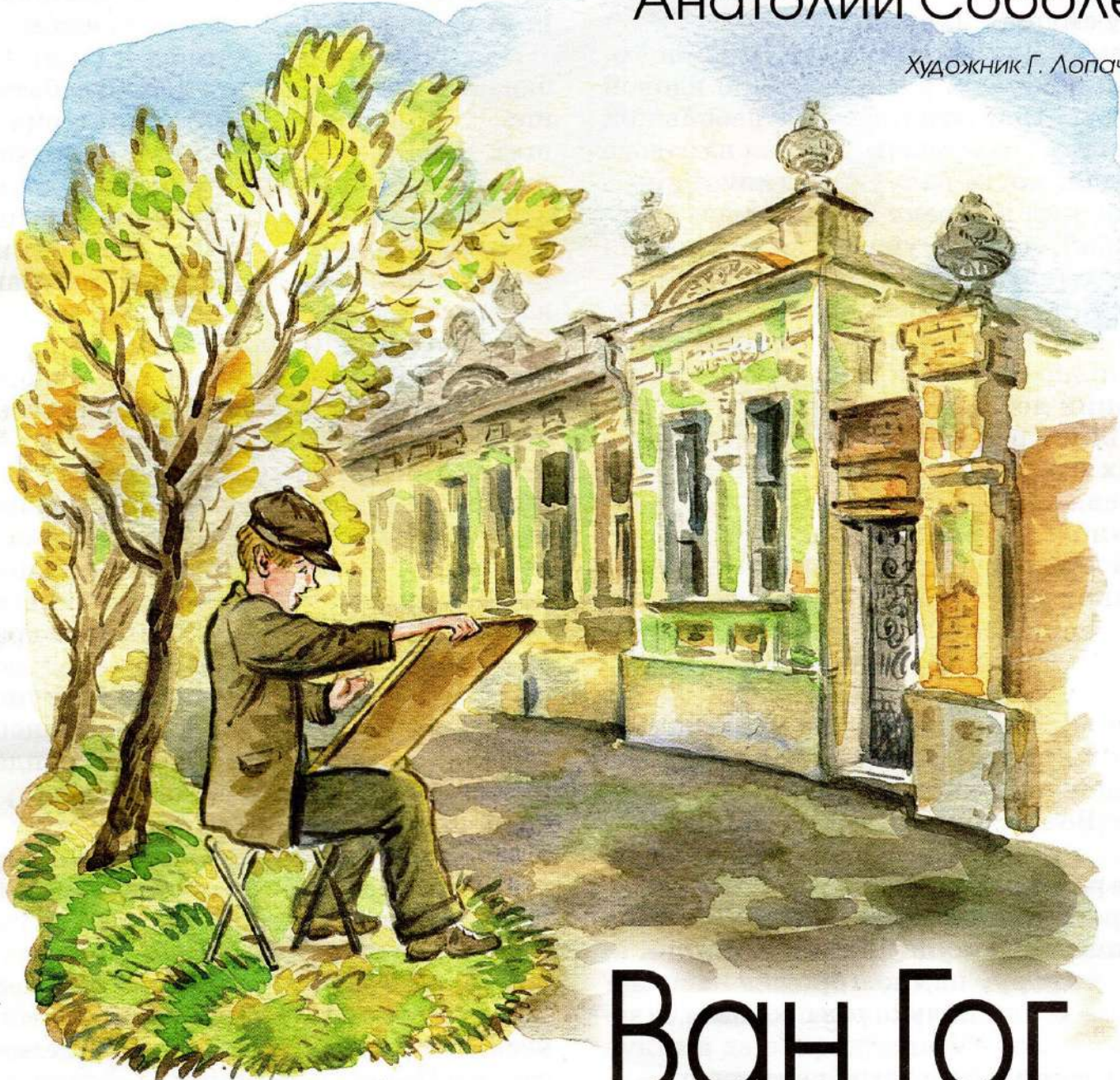
С пожеланием
доброты, удачи!
(Власов А.).
В.Б. Свистов
не Доброту
Пашинев!

Власов

Ольге
Павловне
"радости"
всем читателям!
24.03.18г.

с пожеланием
доброты, удачи!
Власов

Доброта, приходите
а себе рад,
приходите!
В ВАСАТО

Ван Гог

из шестого класса

Он был первым, кто подошёл к Данилке в новой школе. Кончился урок, и Данилка застенчиво вышел из класса, удивляясь длинному светлому коридору, красивым картинам в рамках и паркетному блестящему полу. Ничего этого не было в школах, где он учился раньше: ни в деревне, ни на станции, откуда они недавно переехали сюда, в крупный промышленный город.

— Рисовать умеешь? — в упор спросил этот невысокий и крепкий мальчишка.

— Не-е, — растерянно протянул Данилка.

— Хочешь, научу? — требовательно предложил новый знакомый.

— Хочу, — сказал Данилка и сам удивился. Всего минуту назад он об этом и не думал.

— У нас кружок ИЗО есть, — напористо продолжал говорить мальчишка. — По вторникам и пятницам занятия. Вечерами. Записывайся.

Данилка согласно кивнул, хотя даже и не знал, что такое ИЗО. Он ещё робел от новой городской жизни: и от шумного движения машин, и от запутанного лабиринта улиц, и от незнакомых учеников в школе.

У мальчишки — звали его Сашкой — был светлый вихор на лбу — «корова языком лизнула», щербинка в верхнем ряду зубов и серые внимательные глаза, будто он всё время ко всему присма-

тривается и изучает. Этот взгляд поначалу смущал Данилку.

Семья Данилки жила на окраине города, в бараке, у многолетней вдовой сестры отца; ютились все в небольшой комнате. Отец теперь работал на заводе и ждал, когда дадут квартиру. Сашка тоже жил в бараке почти рядом с Данилкой, и после уроков по дороге они окончательно и познакомились.

Сашка, показывая короткий путь от школы до дома, вёл через котлован строившегося цеха, через пустырь, заросший лебедой и полынью, через маленькую речушку, чёрную от заводских отбросов. На дощатом настиле деревянного мостика Сашка вдруг остановился и, показывая на зловонный пар над речушкой, сказал восторженно:

— Гляди, как золотится на солнце.

Данилка увидел, что и впрямь клубы удушливого пара, поднимающиеся над речкой, окрашены в нежно-оранжевый цвет и ярко выделяются над глянцевой чёрной поверхностью речки.

— Вот бы схватить. — Сашка прищурил глаза, как бы впитывая в себя этот редкостный цвет. — Это только во второй половине дня бывает, когда солнце вон оттуда светит. — Он показал на гору, под которой дымил завод. — Я уж сколько раз пробовал схватить — не могу.

Он задумчиво смотрел вдоль речки.

— Может, маслом надо, а? Нет, масло тяжелит картину, лёгкости нету, а тут, видишь, — воздушность. Как раз акварелью надо.

Сашка говорил не столько обращаясь к Данилке, сколько к самому себе. Данилке даже показалось, что Сашка и вовсе забыл о нём.

Они стояли на ветхом, чудом державшемся мостике, и Данилка страдал от нестерпимой вони, исходящей от речки, а Сашка вроде даже и не замечал этих ароматов. Прищурив глаза, он всё глядел и глядел на золотистый ядовитый пар. И вдруг рассказал, что отец его погиб на заводе, когда расплавленный чугун прорвал доменную летку и хлынул в цех. Отец Сашки бежал по этой огненной реке, и никто ничем не мог ему помочь. Он сгорел весь, даже хоронить было нечего. Слушая рассказ Сашки, Данилка с опаской глядел на

огромные доменные печи, возвышающиеся как горные пики над заводом.

Наутро Данилка пришёл к Сашке в барак. В комнате было столько ребятшек — ползающих, бегающих, кричащих и дерущихся — и столько взрослых, что и шагу ступить было нельзя, чтобы не натолкнуться на кого-нибудь. Всё это Сашкины братья, сестрёнки, племянники, дядьки, тётки. По случаю воскресенья все были дома.

Сашка завёл Данилку в свой крошечный уголок между качалками и висящими на верёвке пелёнками. Собственно, эти-то пелёнки и служили стенкой, отгораживающей уголок от кишмя кишущей комнаты. Здесь, у окна, на колченогом столике Данилка увидел акварельные медовые краски в железной коробочке, набор разнообразных кисточек и Сашкины рисунки. Данилка сразу оценил их — нарисовано было здорово. Данилка, хотя и сказал накануне, что не умеет рисовать, всё же порисовывал помаленьку, но только карандашом. У него имелась даже тетрадка, в которой на каждой странице были нарисованы Пушкин, Крылов и Чапаев. Данилка, пожалуй, не мог бы объяснить, почему именно этих людей он рисовал.

Возможно потому, что всякий узнает, кто изображён на рисунке. Пушкин весь кудрявый — любой догадается, что это Пушкин. У Чапаева — папаха набекрень и усы — тоже ни с кем не спутаешь. Ну, а у Крылова — три подбородка и распахнутый воротник рубахи. Данилка эти портреты выдавал сериями.

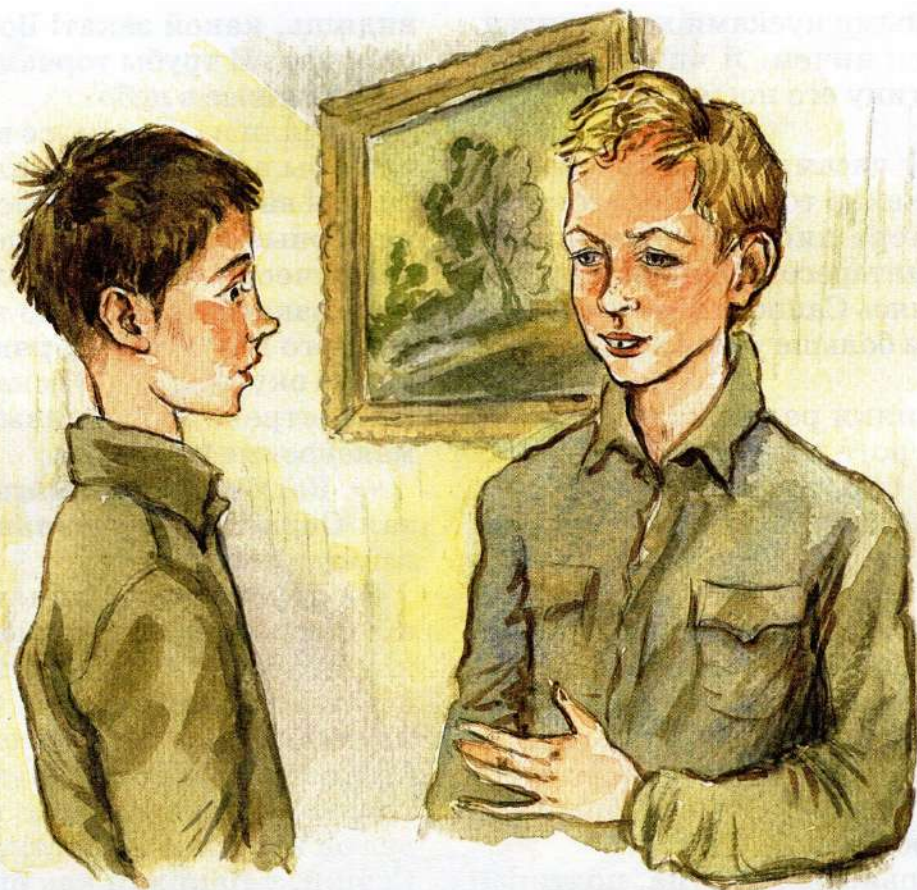
Посмотрев на Сашкины рисунки, Данилка сразу понял, что ему с ним не тягаться.

— Давай порисуем, — предложил Сашка.

— Давай, — неохотно согласился Данилка.

Они начали копировать рисунок с тарелки — плывущую парусную лодку между лесистых берегов озера. Сашка, конечно, сразу заткнул Данилку за пояс — у него в точности получилось, а у Данилки...

Но именно с этого дня и началась их настоящая дружба. Данилка стал часто приходить к Сашке, и они часами рисовали.

Так Данилка попал к нему в ученики. Пощады Сашка не давал — он мог рисовать от зари до зари, не чувствуя усталости. Он таскал Данилку по магазинам, где висели выставленные на продажу картины, писанные масляной краской в местной художественной мастерской, и репродукции на бумаге. Сашка показывал всё это Данилке, образовывал:

— Это Левитан, «После дождя». Он её за четыре часа написал. Видишь, как вода блестит? Дождь только что прошёл, и трава вон ещё вся мокрая. И воздух сырой.

Сашка зябко поёжился, и по коже у него пошли пупырышки, хотя в тесном магазине было душно. Он ощущал картину кожей, всем своим существом, и это передалось Данилке, и он тоже почувствовал зябкость, как после дождя.

— А это Шишкин, — показывал Сашка на другую репродукцию. — «Утро в сосновом лесу». Рассвет. Рано ещё. Вон, видишь, дерево вдаль голубое? Это из-за тумана. И воздух ещё синий, а на верхушках вон уже солнце играет. Медведей ему художник Савицкий нарисовал. Шишкин не умел их рисовать. Сумел бы, конечно, но не так.

Он природу здорово передавал, особенно — лес. Вон «Корабельная роща» тоже его. Видишь, какие сосны? Как живые стоят. Вот бы в Москву попасть, в Третьяковскую галерею! — мечтательно вздохнул Сашка. — А то всё репродукции да репродукции, а их, знаешь, как перевирают, — когда печатают, краски смазываются. Ефим Иванович говорит, что между репродукцией и подлинником разница как между телком и коровой.

Хождение по магазинам служило им как бы посещением картинных галерей. Порою Сашка прибегал к Данилке запыхавшись и с порога кричал:

— Айда в «Канцтовары», там новые картины привезли! «Мокрый луг» Васильева, и Саврасова «Грачи прилетели». Айда, пока не продали.

И они бежали по шумным улицам или «зайцами» катили в гремющем трамвае на другой конец города и часами торчали в магазине, разглядывая репродукции и открытки. Сашку хорошо знали все продавцы и позволяли даже потрогать картины руками.

— Мазок зализан, — говорил Сашка, показывая Данилке картину Федотова «Сватовство майора». — Гладко. А у

Врубеля целыми кусками холст виден. Не покрашен ничем. Я читал. Вот бы живую картину его посмотреть! В Третьяковке.

Сашка мог часами говорить о картинах, о красках, о тонах и полутонах, о разной манере письма художников. Данилка с интересом слушал, запоминал, удивляясь Сашкиным знаниям, и всё больше и больше увлекался рисованием.

Отец Данилки радовался, довольно кричал и трогал щётку рыжеватых усов.

— А что, мать, глядишь — художником станет! А? Художник Данила Чубаров.

— Не знаю, — говорила мать, сидя за швейной машинкой. — Хорошо бы, конечно, да хватит ли таланту. Вон Сашка, тот — будет.

— Сашка — да! — соглашался отец, и голос его теплел. — Способный парень. Самородок.

Тётка Марья, сестра отца, подтирая носы своим пацанам и ласково поглядывая на Данилку, высказывала житейские соображения:

— Вот ежели бы ковры научился рисовать, большие деньги зашибал бы. И работа не пыльная — знай малюй. На базаре вон ковры с лебедями да со дворцами продают. Нарасхват.

— Ну нет, — решительно возражал отец. — Я хоть и не силён во всём этом деле, но скажу так: рисовать человек должен не для денег, а для души, чтоб люди радовались. У нас вот, когда я у Котовского воевал, парень один был, боец. Углём портреты рисовал. Возьмёт доску и — раз-раз! — углём. Как живой сидишь. Даже оторопь берёт, а он смеётся. Но и удалец тоже был. Его за храбрость сам Котовский красными галифе наградил. Орденов тогда не давали, а одежду. Зарубили его потом на Тамбовщине. Мы тогда восстание Антонова к ногтю давили. Вот бы из него художник знатный вышел. Поучить бы только в академии.

Данилке ковры с лебедями тоже нравились, как и тётке Марье, и он однажды сказал об этом Сашке.

— Ты что! — презрительно скривил губы Сашка. — Это ж мазня. Халтурщики подкалывают. Тут искусством и не пахнет. Ты гляди вокруг себя. Во,

видишь, какой закат! Вот красота на стоящая. И трубы торчат. Смотри, как впечатанные в небо.

Они шли из школы, со второй смены. Если бы не Сашка, Данилка и не обратил бы внимания на лимонный закат и на чёрные трубы мартеновского цеха, графически чётко выделяющиеся на фоне закатного неба. Из труб шёл кирпичного цвета дым, а рядом белым облаком окутывалась тёмная громада домы, стреляли кудрявыми дымками маневровые паровозы.

— Вот бы цвет поймать, — тихо сказал Сашка, внимательно ощупывая взглядом местность.

На другой день Данилка увидел всё это на бумаге: и лимонное небо, и чёрные трубы, и кудрявые шарики паровозных дымков, и домну — толстую, неуклюжую и какую-то добрую, как Сашкина бабка, которую тоже звали Домной. И только после того, как увидел он вчерашнюю картину на бумаге у Сашки, у Данилки как бы раскрылись глаза на обыденную красоту окружающего мира, на простые вещи, которые вдруг повернулись к нему другой стороной, и он почувствовал их необычность и значение.

Первое волнение, первое по-настоящему творческое горение он испытал, когда осенним пасмурным днём стоял у ларька в очереди за ранетками — маленькими кисловато-сладкими яблочками.

Низко пластались над землёй серые рваные облака, ветер гнал по улице пыль и опавшие тополиные листья. Надвигался дождь. И Данилку вдруг охватила какая-то счастливая тревога, и он ясно ощутил, почувствовал всем своим существом красоту окружающего мира, и сердце его заколотилось от восторга и изумления. Он вдруг обнял сердцем и этот тревожный дымный цвет стремительно несущихся облаков, и опустившийся на улицу предвечный сумрак, и седую стену дождя вдаль, и заглохшие краски дня.

Данилка прибежал домой и быстро-быстро, боясь расплескать что-то драгоценное, зыбкое, еле уловимое, набросал акварелью улицу, ларёк, очередь за ранетками, рваные седые облака и нещадно загнутый порывом ветра молодой тополёк. И пока рисовал, его не покидало

чувство счастливой лёгкости и свободы, ощущение того, что он всё может, всё ему подвластно. Закончив работу, он долго смотрел на акварельный рисунок, понимая, что ему удалось схватить и цвет, и настроение и передать всё это в красках. И от этого подкатил к горлу комок. Данилка глотал его и не мог проглотить и устало и счастливо улыбался.

Когда Данилка показал акварель другу, Сашка пришёл в восторг. Он хлопал Данилку по плечу и орал:

— Вот видишь, видишь! А то какие-то лебеди ему нравятся!

Данилка был очень польщён похвалой, уши его пылали.

Сашка многому научил Данилку, на многое открыл глаза. От него Данилка, к великому своему удивлению, узнал, что снег, оказывается, никогда не бывает белым. По утрам он — голубой, в обед — розовый, в сумерки — синий, а когда свечерее — то чёрный. Это было открытием. Данилка поначалу не поверил. Тогда Сашка потащил его на улицу в ослепительное сверкание снега.

— Видишь, видишь, снег — розовый. А тени вон голубые! — восхищённо говорил Сашка, будто всё это создал он сам. — Видишь? А вечером тени станут синими, потом чёрными, и снег тоже другого цвета.

Снег действительно был розовым от солнца, а от домов падали голубые тени. Иней на проводах тоже сверкал розовым отблеском. Данилка поразился. А Сашка всё таскал его по морозу и показывал.

— Видишь, солнце почти белое, только чуть-чуть краплаку добавлено, а трубы сиреневые. Слепой ты, что ли?

Данилка смотрел и видел, что всё было так, как говорил Сашка.

— А на провесне он глухим станет, снег.

Данилка не понял, почему снег станет глухим.

Сашка объяснил, что на провесне (это в феврале, в предвесенние дни) снег становится «глухим», потому что теряет блеск от влаги, сыреет, тяжелеет.

— Неужели не видел? — удивлялся Сашка. — Свету больше в воздухе ста-

новится, а снег, наоборот, глохнет, не блестит, как сейчас.

Сашка досадовал и недоумевал, что Данилка не знает таких простых вещей. Но постепенно Данилка тоже стал кое-что понимать и в цвете, и в светотенях, и в полутонах, и в композиции рисунка. Сашка хвалил и радовался.

Сашка и Данилка регулярно посещали кружок ИЗО, которым руководил физрук Ефим Иванович. Высокий, рыжий, с выпирающими скулами и мощным борцовским затылком, подстриженный по моде «под бокс», этот человек наставлял своих учеников, как ходить на лыжах, — крутить «солнце» на турнике, а вечерами учил рисовать. В изокружке было несколько человек, и рисовали они масляными красками. К удивлению Данилки, здесь говорили не «рисовать», а «писать». Кто что хотел, тот то и писал.

Данилка выбрал себе «Всадника» художника Орловского. На открытке был изображён поднявшийся на дыбы конь, а на нём всадник в шляпе с пером. Сашка писал «Красный виноградник» какого-то Ван Гога. Данилке картина не нравилась, он не понимал, почему Сашка выбрал именно эту невзрачную картину, но, к его удивлению, Ефим Иванович больше всего уделял внимания именно этой картине, и они с Сашкой подолгу о чём-то говорили вполголоса.

Ребята засиживались в кружке до поздна, пока уборщица не выгоняла их. Сашка всегда удивлялся, что время уже позднее. Однажды он так засиделся перед своей картиной, что не сразу откликнулся на зов Данилки. Глаза его были отрешены и задумчивы. Данилка спросил, чем уж так эта картина ему нравится.

— Трагическая, — ответил Сашка. — Видишь, красный цвет — нервный цвет, отблески на мокром. Деревья как косое пламя на ветру. Видишь, какой мазок — длинный, неровный. Всё здесь нервно, тревожно. Не чувствуешь? Данилка сказал, что чувствует, хотя ничего не чувствовал.

Дома Сашка показал Данилке несколько открыток. На одной из них было изображено спелое поле ржи, поваленное порывом ветра, и стая косо летящих воронов. Опускалось в закат

дымное кровавое солнце, зловещее, как чей-то жестокий, неумолимый, смотрящий с неба глаз.

— Что чувствуешь? — тихо спросил Сашка.

Данилка молчал. Чем больше смотрел на картину он, тем больше его охватывала какая-то непонятная тревога, боязнь чего-то, смутный страх. Особенно тревожили эти вороны, их кося, изломанный полёт. Нет, даже не вороны, а беспокойно завихренные мазки — нервные, полные напряжения и взрывчатой силы мазки по всей картине. И небо, и солнце, и жёлтая рожь, и птицы — всё было исполнено этими мазками.

Данилка взглянул на Сашку и поразился: Сашка был бледен, зрачки расширены.

— Ты чего? — испугался Данилка.

— Это же Ван Гог, — тихо отозвался Сашка. — Это его последняя картина. Он написал её и застрелился.

— Зачем? — почему-то шёпотом спросил Данилка.

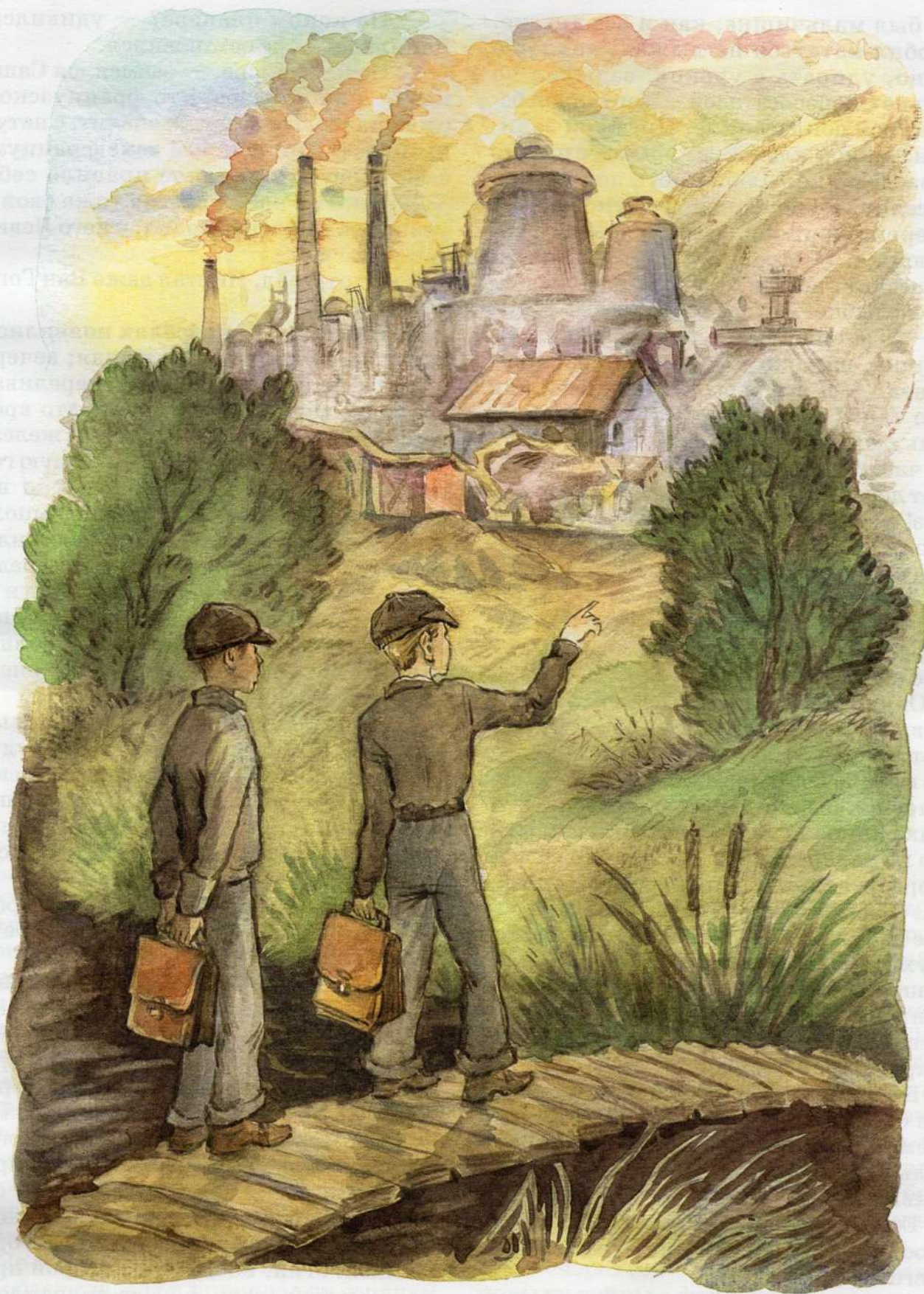
— Ефим Иванович говорит, что душа не выдержала. У каждого гения в груди — напряжение создается, сила внутренняя такая.

Сашка задумчиво смотрел на открытки Ван Гога.

— Научиться бы так писать! — тихо сказал он. — Знаешь, у меня всё время на душе свербит — хочется так написать картину, чтобы все ахнули. Ну, не ахнули, а как бы это сказать, — он взглянул на Данилку серьёзно, повзрослому, — чтобы она была написана как у Ван Гога. Мне всё время кажется, что я чего-то недоделал. Пишу, а сам думаю. — Плохо. Даже не так. Когда пишу, то нравится, а когда напишу — смотреть не могу.

Горел в груди Сашки тот огонь таланта, который не даёт художнику успокоения, заставляет его переделывать картины бессчётный раз, быть вечно недовольным своими произведениями; тот огонь, который заставлял больных и голодных, гонимых и преследуемых непризнанных творцов идти своей дорогой, тяжкой и светлой.

Был этот огонь в груди Сашки. Он заставлял его помногу раз переделывать свои рисунки. Однажды Данилка спросил, зачем столько раз перерисовывать

уже нарисованное, когда и так всё хорошо. Сашка ответил:

— Надо, чтобы ещё лучше было. Чтобы рисунок был прост и ясен.

— И так уже всё просто и ясно, —

На это Сашка сказал:

— Федотов, который «Сватовство майора» написал, говорил: «Переделашь раз со сто — будет просто». Понял? Своими рассуждениями о живописи

он был мальчишка, как и все другие. Любил кататься на лыжах, ходить в кино, удирать с уроков, вздыхал по Аньке Скоробогатовой — вертлявой белокурой сокласснице. Писал ей записки, тайком клал их в карман её пальто в раздевалке. Любил петь под гитару песенку: «И понравился ей укротитель зверей, чернобровый красавец Андрюшка...» Младший брат его, пятиклассник, всегда при этом расплывался в улыбке. Его звали Андреем.

— Ты знаешь, — сказал однажды Сашка, широко и удивлённо раскрыв глаза. — Я всё время удивляюсь: как это так! Берёшь краски, выдавливаешь, делаешь мазок — раз-раз! — и получается картина. Это ж — чудо! А? Вот дерево, я на него смотрю, а потом — раз! — и на холст или бумагу. И делаю его таким, каким вижу. А другой видит его по-другому. А если бы все одинаково видели — скучно было бы. Я вот рисую, а у меня сердце замирает. Даже страшно становится, что я могу кистью сделать.

Однажды Сашка принёс на урок рисования — а рисование в классе вёл всё тот же Ефим Иванович — портрет своего пятилетнего племянника. Выполнен рисунок был акварелью в розовых тонах. Лицо карапуза будто бы выплывало из акварельного тумана. Но самым поразительным на портрете были глаза. Они были устремлены и вовне, и в то же время внутрь, в себя, будто бы этот пухлогубый мальчишка размышлял, напряжённо думал о чём-то, смотрел на мир не только с детским любопытством, а хотел понять и осмыслить этот окружающий его мир.

Все притихли перед портретом и вроде бы сами задумались над тем же, о чём думал и мальчишка, неясно выплывающий из разноцветной гаммы акварели.

Ефим Иванович вывесил рисунок на доску и долго и задумчиво смотрел на него.

А потом, уже во время урока, Данилка видел, как Ефим Иванович внимательно и растерянно глядел на склонённую голову Саши, рисовавшего в это время кувшин, стоящий на столе.

— Теперь буду только на пленэре работать, — сказал Сашка, когда они шли домой из школы.

— На каком планере? — удивился Данилка и даже остановился.

— Не на планере, — засмеялся Сашка, — а на пленэре. Это французское слово такое. На воздухе, значит, с натуры писать. В прошлом веке французские художники такое правило себе сделали. И у нас Саврасов тоже своих учеников на пленэр водил, у него Левитан учился.

И как отрезал. Не стал даже Ван Гог копировать.

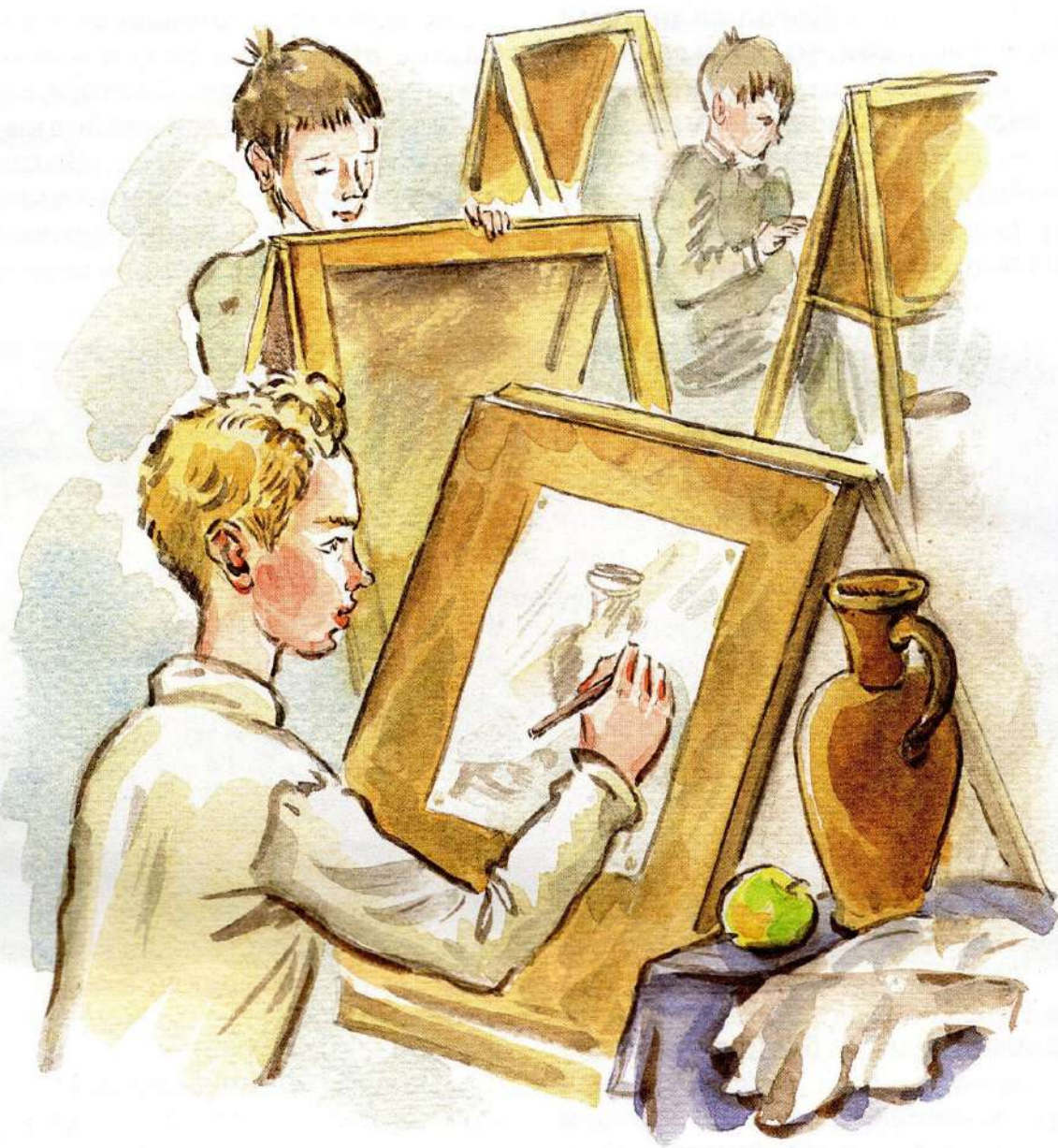
На Сашкиных акварелях появились городские улицы после дождя; вечерние трамваи, когда в лужах переливаются огни; заводские трубы, будто врезанные в зелёное небо; горбатый железный мост через речку, рассекающую город на две части; городской сад на утренней зорьке. И всё это было выполнено нервным мерцающим мазком или штрихом. При взгляде на эти акварели возникало в груди чувство радости и тревоги одновременно. Акварели Сашки были горячи, взбудоражены, полны света, и Данилке самому хотелось рисовать, рисовать и рисовать.

А Сашка искал всё новые и новые уголки города и, забравшись куда-нибудь на крышу или пристроившись у ограды, тут же схватывал на лету пёструю толпу на улице, одинокую лошадь у горкома или драку в детском саду.

Раз как-то он пришёл поздно вечером к Данилке и позвал его «смотреть ночь».

Они выехали за город к реке и расположились неподалёку от рыбаков. На другой стороне, на высоком обрывистом берегу, смутно белела старая крепость, поставленная казаками, покорителями этого края ещё при Борисе Годунове. Через реку был перекинут железнодорожный мост, по которому проходили поезда. Ребята сидели возле самой воды, чувствуя прохладу, ощущая невидимый в темноте бег реки. В городе гасли огни, но завод под горой продолжал грохотать, и сюда доносилось его мощное дыхание. Тёмное небо время от времени озаряло пламя вполнеба; это выливали на отвале шлак доменных печей.

Ребята сидели молча, и Данилка вспомнил деревню, своих дружков Ромку и Андрейку, вспомнил, как го-

нял с ними в ночное лошадей и как дед Савостий рассказывал им про колчаковщину, как наказывал любить свою землю, видеть и понимать её красоту. Сладко и грустно защемило сердце. Что-то делают сейчас его дружки — может, опять сидят в ночном у костра, только теперь уже без деда Савостия. Ещё зимой отец получил из деревни письмо от своего товарища, который и сообщил, что дед утонул, спасая колхозную телушку, и похоронен как заслуженный труженик, как человек, которого любила вся деревня.

Не было у деда Савостия детей, судьба обделила, вот и припадал он сердцем ко всем ребятишкам, хороводился с ними, а пуще всего выделял троицу — Ромку, Андрейку и Данилку.

Вспомнил его Данилка, и повлажнели глаза — так захотелось в родное село, в знакомые поля, к своим дружкам, в ночное, и чтоб дед Савостий был жив,

и чтоб старый мерин Серко был с ними, и чтоб кони паслись и горел костёр, а дед Савостий рассказывал бы про Гражданскую войну.

Вышла луна из-за облаков, её зыбкий свет залил пойму реки, и на душе Данилки стало ещё тревожнее, будто бы он находился в каком-то заколдованном царстве, и вся эта тишина ночи вот-вот разрушится, взорвётся чем-то страшным. Может быть, его охватило предчувствие тех перемен, которые были уже не за горами — зимой должна была начаться война с финнами, а там — через год — покатится по стране полымя войны с фашистами.

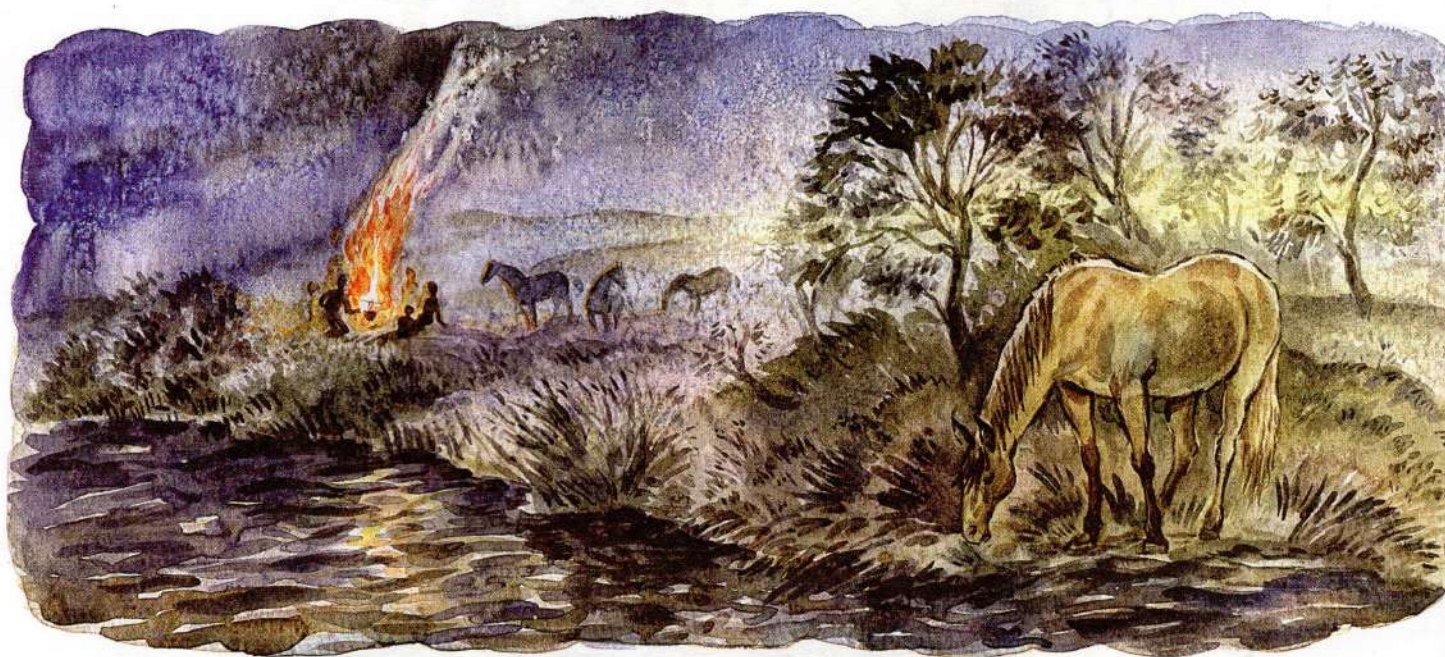
Может быть, туманное предчувствие бед тревожило его сейчас, когда смотрел он на лунную дорожку реки, на дальние огни завода, на костёр рыбаков.

— Помнишь «Лунную ночь» у Куинджи? — спросил Сашка. — Вот такая

же луна у него была. Когда он первый раз картину выставил, то люди за холст заглядывали, думали, там лампочка горит — так луна у него светила. Как настоящая. Вот как он краски, интересно, подбирал?

Они вернулись в город на заре, когда пошли первые трамваи и чистые, толь-

Данилка сел, неуверенно улыбаясь. Сашка прищурил глаз и начал кидать штрихи на ватман. Долго и терпеливо сидел Данилка, а когда Сашка показал ему рисунок, он ахнул. Длинношей пацан с хмурой удивлённостью смотрел с портрета. Чёлка некрасиво торчала надо лбом, жёсткие волосы не прилега-

ко что политые улицы были тихи и пустынные. Друзья шагали по мокрому асфальту и молчали. Хотелось спать, в голове стоял шум, а на сердце было легко. В такой ранний час Данилка ещё не видел города и вот теперь, увидев, вдруг почувствовал, что город ему нравится.

На другой день Сашка показал ему акварельный рисунок, на котором была изображена ночь: луна, костёр, отражённый длинным кинжалом в реке, и лошадь, стоящая у воды, и снова дрогнуло сердце у Данилки. Он попросил у Сашки этот рисунок на память, и тот легко отдал.

— Цвет огня в воде не схватил. Надо ещё раз сходить.

И они ещё раз ходили на берег и сидели всю ночь возле реки, и Данилка рассказывал Сашке о своей жизни в деревне, о своих друзьях, о деде Савостии, о том, как стреляли в отца и как любил девочку по имени Ярка.

А зимой, когда была война с финнами и стояли лютые холода, Сашка однажды сказал:

— Давай я тебя нарисую. Садись.

ли, глаза были разные — правый больше, левый меньше, острый подбородок выдавался вперёд. А главное, главное — Данилка был синий. Весь синий, будто утопленник какой.

— Я тебя так вижу, — категорически заявил Сашка на Данилкин разочарованный вопрос, почему это он — синий.

Данилка ушёл расстроенный. Дома он долго рассматривал себя в зеркало. Ну ладно, глаз левый, если присмотреться, и вправду чуть-чуть меньше правого, а Сашка сделал в два раза. Чёлкой действительно не похвастать — волос у него грубый, как конская грива. И шея тонкая. Мать говорит, что он растёт и потому вытягивается. Есть у Данилки и синева под глазами: война с финнами идёт, и с харчами — не очень. Если повернуть щёку на свет, то возле уха тоже синее. Но всё равно — не такой же он синий, как сделал его Сашка.

Сашка принёс Данилкин портрет в класс, и ребята покатались со смеху, а Сашка стоял красный и надутый.

— Вы дураки, вы ничего не понимаете! — вдруг закричал он со слезами на

глазах и в бешенстве разорвал Данилкин портрет.

Одноклассники перестали смеяться и с удивлением смотрели на Сашку.

В этот момент в класс вошёл Ефим Иванович. Все притихли. Ефим Иванович поднял разорванный портрет, сложил кусочки и долго смотрел на рисунок. Ребята выжидательно молчали.

— Почему в синих тонах? — спросил Ефим Иванович.

— Я так вижу, — буркнул Сашка, исподлобья глядя на учителя.

— Хорошо, допустим, — спокойно согласился Ефим Иванович. — Но что ты этим хотел сказать?

— Что война идёт! — зло закричал Сашка. — Что хлеба не хватает! Он же синий, посмотрите! — мотнул он головой в сторону Данилки. — Он же голодный! Разве это не понятно?

Хлеба действительно не хватало, были перебои; по ночам люди отстаивали в огромных очередях, в стужу — усталые, плохо одетые. Стояли со взрослыми и дети.

Ефим Иванович внимательно выслушал Сашку, и в глазах его появилась горечь. Он вздохнул и сказал, обращаясь к классу:

— Это обобщённый портрет, ребята. Это не только Данила Чубаров, это — и все вы. И сам Саша, и ты, Вася, и ты, Олег, — показывал он на ребят в классе. — Это все вы. И он нарисовал правильно.

Ефим Иванович положил на плечо Сашки руку.

— Он увидел то, чего не видели вы. А теперь, после этого портрета, увидите; в этом и есть цель художника — показывать людям то, чего они ещё не видят. Зря порвал портрет. — Голос Ефима Ивановича построжал. — Правоту свою надо доказывать, Саша, а не истерику закатывать. — Ефим Иванович помолчал, легонько провёл рукой по вихрастой Сашкиной голове и тихо, серьёзно сказал: — Тебе трудно придётся: у тебя свой взгляд, взгляд художника, а он не всегда совпадает со взглядами других. Чаще не совпадает. У настоящих художников нет лёгкой дороги.

Потом Данилка бегал в учительскую за географической картой и случайно слышал, как Ефим Иванович говорил с завучем, седым добрым историком:

«Вы знаете, я даже боюсь за него, он необычайно талантлив. В таком возрасте и такой самобытный взгляд на мир, на искусство». «Чего же вы боитесь?» — спросил завуч. «Боюсь, когда вырастет — пропадёт всё. Бывает же так: в детстве вундеркинд, а вырастет — дурак дураком. Ещё боюсь, что помочь ему не могу. Он больше меня понимает в живописи, я порою теряюсь от его вопросов. Его в Москву надо посылать, в институт Сурикова».

Зря беспокоился Ефим Иванович. Не пришлось Сашке стать взрослым, он погиб совсем зелёным юнцом. Погиб и Ефим Иванович под Москвой.

Данилка узнал об этом, когда вернулся с фронта после войны.

Как память о друге, сохранились у него два Сашкиных рисунка. На одном акварелью нарисован берег реки ночью, а на другом — девочка, обнявшая за шею барашка. Девочка не дорисована, но видно, что водила кистью талантливейшая рука. Данилка только позднее понял, что плохая красная бумага из фотоальбома выбрана Сашкой не зря и не оттого, что бумаги настоящей не было. Нет, он выбрал эту бумагу специально. Тревожный красный цвет. И теперь Данилка не может представить себе этот неоконченный рисунок на белой бумаге. Всё у Сашки было обдумано. Он стал бы большим художником. В этом Данилка уверен.

Но Саша убит. На Смоленщине. В срок четвёртом. Он был рядовым пехотинцем.

И могилы у него нет.

Виктор Сидоров

ДИМКА- буксир

Рассказ

Димка — славный общительный мальчик. Он плотный, широконый, ходит медленно, вразвалочку. Мама говорит, что Димка — точная копия деда. А дед у него был мореходом...

Несмотря на свои небольшие года — Димке недавно исполнилось четыре, — он серьёзен и рассудителен. Его вопросы приводят в трепет и маму и папу.

— Почему автомобили не на двух колесах? — спрашивает он папу и глядит на него внимательными голубыми глазами.

Папа беспомощно улыбается, кричит, мычит, нукает.

— Ну как же! Ну разве можно на двух? Это же глупо — на двух. Он тогда возьмёт и упадёт.

— А почему велосипед не падает? — быстро спрашивает Димка.

— Это совсем другое дело... Велосипед, он... Слушай, Димка, спроси, пожалуйста, о чём-нибудь другом.

Димка мотает головой:

— Не хочу о другом. Не знаешь?

Папа всячески юлит, не хочет показывать себя невеждой, но это ему не помогает.

— Не знаешь? — допытывается Димка. — Да? Эх ты! Потому что у них, у автомобилей, нет педалей!

Димка не плакса, не нытик, не какая-нибудь капризная кисейная барышня. Настоящий мужчина. Даже тогда, когда ему в больнице делают уколы или прививки, он не плачет, а лишь морщится да кричит.

Но не эти все добрые Димкины качества принесли ему славу на весь дом. Конечно, в какой-то мере и они сыграли свою роль. Но главное, что сделало Димку известным и знаменитым, — это его аппетит.

Нет, он никакой не обжора, а просто очень аппетитно и вкусно ест. Когда он ест — смотреть одно удовольствие.

Однажды во время Димкиного обеда пришла соседка со своей дочкой Ирочкой, тоненькой, какой-то синенькой. Голосок у Ирочки такой, что даже боязно, — вдруг оборвётся и навсегда пропадёт.

Димка мельком глянул на тётю Машу, на её Ирочку и спокойно продолжал есть борщ, а рядом стояла и ждала очереди миска с пельменями и стакан молока. Димка любил есть пельмени с молоком.

Димка с хрустом откусывает поджаристую корочку, хлебает борщ, а сам щупает пельмени — остыли или нет? Снова хрустит корочка, снова две-три ложки борща. Да так вкусно, да так смачно у него это получалось, что тётя Маша украдкой сглотнула слюну и отвернулась к маме.

А Ирочка так и впиалась глазами в Димку, смотрит — не моргнёт. Точно так она смотрела цирковые представления. А потом, когда Димка взялся за пельмени, вдруг как запищала:

— Мама, я хочу кушать!

Тётя Маша смутилась: не подумала бы Димкина мама, что она свою дочь голодом морит.

— Ирочка, ведь мы только что из-за стола... Разве ты не наелась?

А Ирочка не сводит с Димки круглых глаз, пищит:

— Кушать хочу!

Димкина мама смеётся и говорит:

— Посади её, Маша, с Димой. Пусть отпробует пельмешек.

Отпробует! Ничего себе — отпробует! Навалилась Ирочка на эти пельмени, будто и в самом деле целую неделю голодала.

Тётя Маша сначала удивлённо улыбалась, а потом забеспокоилась:

— Ирочка, хватит, животик будет болеть... Подумайте-ка, дома хоть с ремнём есть заставляй, а тут... Ира, кому говорю — довольно!

Так началась Димкина слава.

На другой день перед завтраком, когда Димка готовился сесть за стол, пришла тётя Маша. Какая-то робкая, смущённая.

— Простите. Дима ещё не завтракал?

— Сейчас садится.

Тётя Маша и обрадовалась, и смутилась ещё сильнее.

— Знаете... Одолжите... То есть я хотела сказать: отпустите Диму на завтрак

ко мне. Пусть он Ирочку поучит есть... Я совсем измучилась — никакого аппетита у ней... Пожалуйста...

Мама сначала нахмурилась, однако разрешила Димке сходить к Ирочке и поесть с ней.

Потом, во дворе, тётя Маша взахлёб рассказывала:

— Это просто чудо! Как только Дима сел за стол, Ирочка схватила ложку и принялась есть — без отрыва весь суп съела! Такого ещё не было с ней. И котлетку, и пюре съела, и компот выпила...

Все соседки с большим интересом слушали тётю Машу, а одна спросила:

— В какой квартире живёт Дима?

— В двадцать пятой.

— Вот бы к нам его... У меня с Юрочкой и Колей — просто беда. Совсем плохо едят. Худые — одни рёбрышки...

И пошло-поехало. Как только Димка выйдет во двор поиграть, смотришь, и его какая-нибудь соседка уже к себе заманивает:

— Димочка, детёнок мой хороший, пойдём к нам, в пятую квартиру. По-

играешь с Васей, а потом пообедаете с ним: я курочку сварила, рыбки поджарила...

Тут как тут и другая соседка:

— Евдокия Петровна, это не честно: Дима у вас уже дважды был, а у меня только раз. Простите, но сегодня наша очередь.

Шурик, маленький, шустренький, ухватился за Димкину курточку:

— Пойдём, Дима! Пойдём кушать со мной!

Димкина мама в отчаянье: ни на обед, ни на ужин не может найти Димку. Где он? В какой квартире? А когда стали за Димкой приходить жильцы из других домов, она стала сердиться не на шутку. Димка же — хоть бы хны! Ему даже очень интересно ходить по гостям, знакомиться со всё новыми и новыми ребятами. У каждого разные игрушки, у каждого разные обеды и ужины.

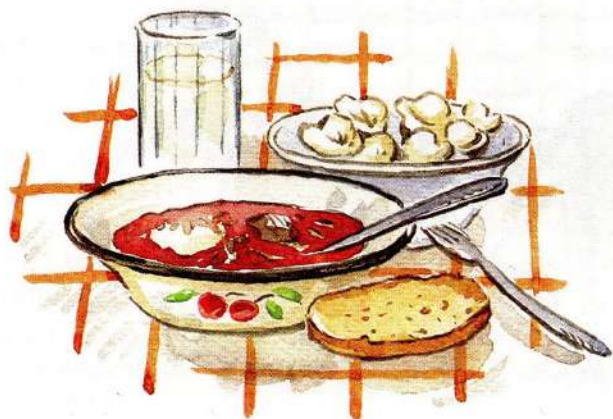
Однажды мама запретила Димке совсем выходить на улицу. На другой день в квартиру нагрянуло целых пять соседей во главе с тётей Машей, чтобы выручить из беды Димку.

Они долго и громко говорили с Димкиной мамой в соседней комнате, в чём-то убеждали и просили. А когда вышли, то Димка услышал:

— Значит, договорились: наши дети и ваш Дима все вместе по очереди обедают у нас, у каждой, по очереди. Как в детском садике. Это всем на пользу: и здоровее будут, и подружатся.

С тех пор, когда мама скажет: «Уже первый час, пора обедать», — Димка не спеша суёт свою ложку в карман, говорит солидно:

— Ну, я пошёл на работу. Сегодня у тёти Вари будет новенький — Игорёк из первой квартиры. Худой, как селёдка. Я его возьму на буксир...

Мозаика

Валерий Дмитриевич Булатов родился 18 ноября 1951 года в городе Барнауле, но раннее детство прошло в городе Фрунзе (ныне — город Бишкек, Киргизия, 1952–1956), а с 1957 по 1969 год семья жила на станции Ребриха Алтайского края, где в 1969 году он окончил среднюю школу. Такое было начало...

Отслужил в армии (1970–1972) и волею судеб вернулся... в раннее детство — в город Фрунзе, где, опять-таки волею судьбы, начал посещать занятия в изостудии Республиканского центра народного творчества (1972–1973), что впоследствии дало основания поработать художником-оформителем в художественных мастерских Барнаульского станкостроительного завода (1974–1977), а затем в такой же должности в селе Ключи Ключевского района Алтайского края (1978–1986). Это была уже самая настоящая путёвка в жизнь — вот почему в 1984 году он окончил факультет искусствоведения Уральского государственного университета им. А. М. Горького, по диплому которого работал затем в должности заведующего отделом культуры Шелаболихинского райисполкома Алтайского края (1986–1989).

Следующий жизненный период был 15-летним — с 1989 по 2004 год он работал учителем ИЗО и МХК в Шелаболихинской средней школе № 2, а с 2003 по 2013 год — преподавателем Шелаболихинской детской школы искусств (ДШИ). Ему точно есть кем гордиться — более 20 его учеников-воспитанников окончили художественные институты и училища.

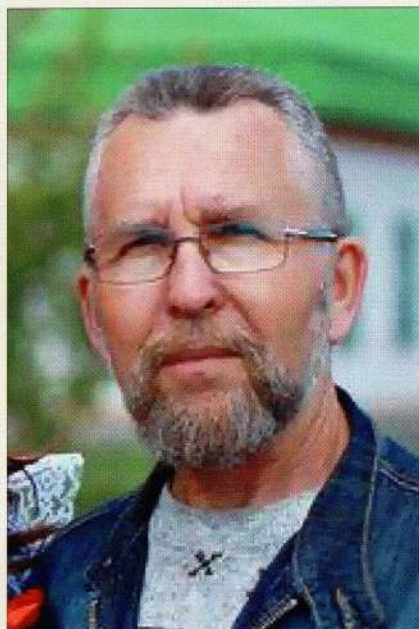
Да, Валерий Булатов из тех людей, которым некогда скучать: параллельно с работой в ДШИ в 1989 году он инициировал и организовал военно-патриотический клуб (ВПК) «Пересвет», которым руководил 23 года. И тут ему есть кем гордиться: семёр его учеников — офицеры российской армии, многие члены ВПК «Пересвет» служат в Вооружённых Силах России по контракту, выполнили нормативы мастеров спорта России и международного класса, есть чемпионы и рекордсмены мира среди юниоров.

времён года

И это ещё не всё о нём. С детства занимался тяжёлой атлетикой и борьбой самбо, участвовал в различных соревнованиях, выполнил норматив мастера спорта. Многие годы, опять-таки параллельно, посвятил изучению русских и восточных видов единоборств. Инструктор по специальному армейскому рукопашному бою. Член краевого клуба ветеранов госбезопасности «Вега».

А вот другая его ипостась — с 2013 года участник нескольких краевых выставок самодеятельных художников, а затем и Союза художников России (2015, 2017), автор дюжины

персональных выставок в Барнауле и районных центрах края...

Валерия Булатова всегда поддерживал... мир детства: его февральско-мартовская 2016 г. персональная выставка в Алтайской краевой детской библиотеке им. Н. К. Крупской «Моя акварельная Родина» стала не только передвижной (он получил и реализовал приглашения представить данную экспозицию на других площадках — в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В. Я. Шишкова, в Ребрихинском районном Доме культуры имени заслуженного артиста Рос-

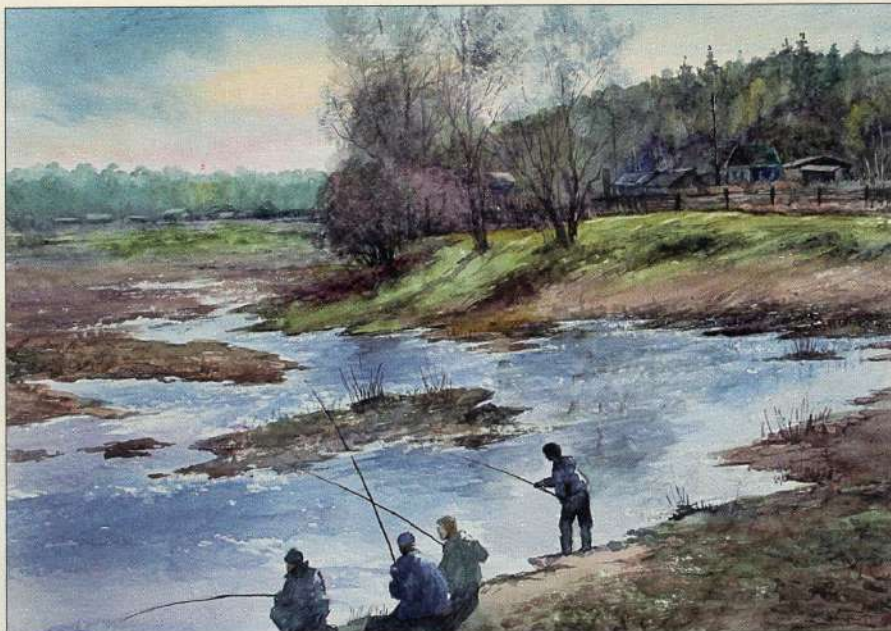
Весенние воды. 2017 г.

Портрет сына. 1990 г.

Малыши. 1990 г.

Весенняя рыбалка. 2015 г.

сии А. З. Ванина, в Павловской межпоселенческой модельной библиотеке им. И. Л. Шумилова), но и зачином, концепцией в проекте по изданию альбома репродукций (Барнаул, ЛФ «Август. Испытание временем», 2016) именно под та-

ким названием — «Моя акварельная Родина», который был удостоен диплома победителя фестиваля «Издано на Алтае-2016» в номинации «Лучшее художественное оформление книги». Вот что пишет в предисловии к альбому его редактор-рецензент

А жизнь идёт. 2018 г.

Рыжая красавица осень. 2017 г.

На нашей улице зима. 2017 г.

Февральский снегопад. 2018 г.

Летнее великолеpie. 2017 г.

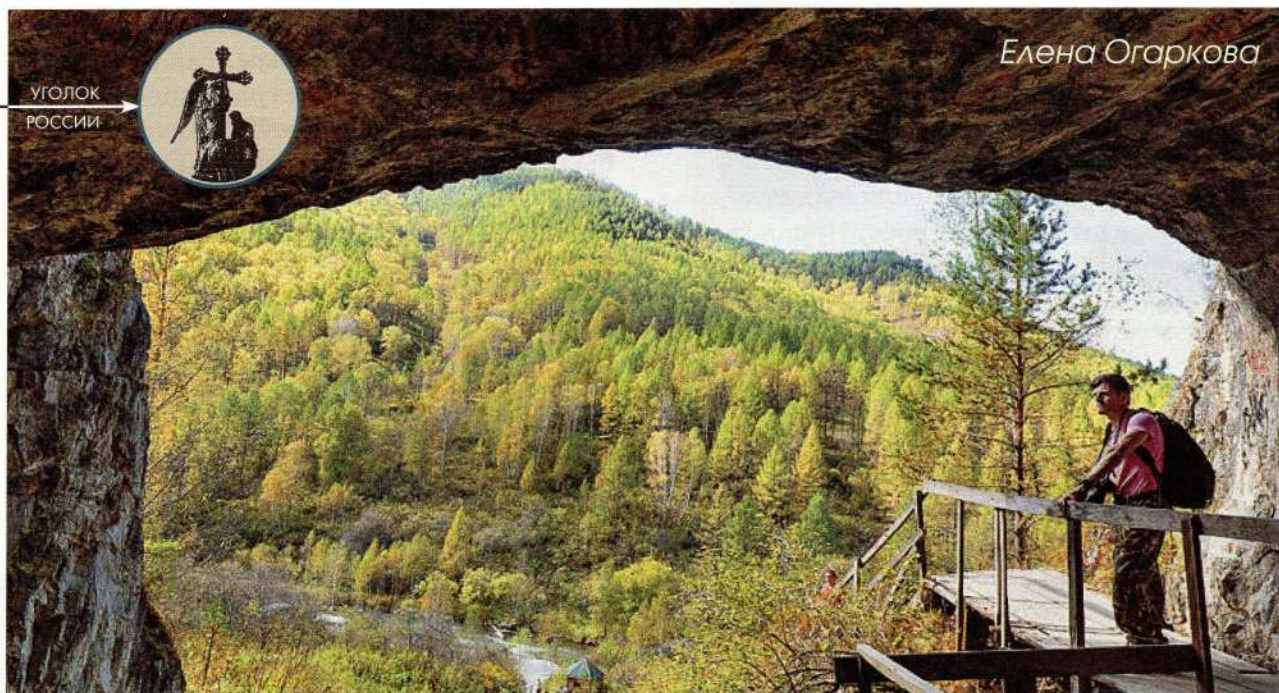

Весенние нотки февраля. 2018 г.

Наталья Царёва — кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры России, член Союза художников России и ассоциации искусствоведов России, заместитель директора по научной работе Государственного художественного музея Алтайского края: «...Рассматривая акварели Валерия Булатова, замечаешь, что у автора нет любимого времени года и он готов поспорить со знатоками, утверждающими, что «зима — гравюра, лето — живопись масляными красками, осень — мозаика из всех времён года, лишь весна — акварель». Акварелью художник показывает любое время года столь искусно лишь потому, что знает очень важный секрет: эту царственную технику надо любить, как и жизнь вокруг себя, и тогда твоей рукой будет двигать вдохновение, а сердце зрителя обязательно застучит в унисон с твоим так же взволнованно и трепетно, потому что красота и недостижимость искусства всегда рожают восторг у зрителей, пробуждают глубокие переживания и осознание бесценности человеческой жизни, её единства с миром...».

И ещё немного официально: в 1991 г. Валерий Дмитриевич Булатов стал победителем Всероссийского и финалистом 2-го Всесоюзного конкурсов «Учитель года», награждён знаками «Отличник просвещения СССР» (1991) и «За заслуги в развитии детско-юношеского туризма», медалями «20 лет вывода советских войск из Афганистана» (2009) и «Патриот России» (2011).

И — совсем немного — неофициально: женат, отец двоих сыновей, дед двух внуков и двух внучек.

ДЕНИСОВА ПЕЩЕРА

Солонешенский район Алтайского края — один из уникальных археологических районов в бассейне верхнего течения р. Ануй. Здесь сконцентрированы памятники всех археологических эпох — от каменного века до Средневековья. История изучения древнейшего населения долины началась в 1959 году с находок в пещере около села Искра. Через двадцать лет по инициативе крупнейшего сибирского археолога, историка и этнографа А. П. Окладникова в пещерах долины Ануй начались уже целенаправленные поиски свидетельств палеолита. В результате в 1978 году был открыт один из главных объектов алтайского палеолита — Денисова пещера (однако бытует мнение, что ещё в 1926 году её посетил и зарисовал Н. К. Рерих). Как туристический объект это место упоминается с 1901 года, в первых путеводителях по Бийскому уезду, изданных для господ, посещающих Белокурихинские горячие источники. Рядом с пещерой проходит древняя дорога. Она впервые упоминается в китайских императорских хрониках в III в. до н. э. как «торговый путь в Юэйджи». Это как раз расцвет пазырыкской культуры на Алтае. Ещё до появления Чуйской тропы торная дорога вдоль русла Ануй видела конницу скифов и тюрков, тумены Чингисхана, по ней ходили китайцы.

Денисова пещера расположена почти на границе с Республикой Алтай в нижнем

ярусе горы Бабка на высоте 28 метров над рекой Ануй. Она относится к горизонтальному типу и состоит из просторного центрального зала и трёх расходящихся от него узких галерей. В верхней части центрального грота находится сквозное отверстие диаметром чуть больше метра. Благодаря этому «окну» наиболее обширная часть пещеры прекрасно освещена; кроме того, отверстие обеспечивает дымовую тягу. Проводили даже такой эксперимент: внутри пещеры разводили несколько костров, и температура поднималась на несколько градусов, то есть если на улице температура была $0 + 2^{\circ}\text{C}$, то в пещере тепло до $+10-12^{\circ}\text{C}$.

По оценкам археологов, эту пещеру древние люди заселили ещё около 280 тысяч лет назад. Она содержит 22 культурных слоя, представляющих разные эпохи развития человечества. Пещеру называли Денисовой потому, что во второй половине восемнадцатого века в ней жил отшельник Дионисий.

У алтайцев существует своё название пещеры и своя легенда. Когда-то давно в этой пещере жил чёрный шаман. Он разозлился на местных жителей и наслал на близлежащие земли сильный дождь, который шёл, не переставая, несколько лет. Обратились люди за помощью к белому шаману. Он пожалел их и превратил чёрного шамана в медведя, а все дожди скатал в один

большой ком и обратил его в камень, который потом спрятал в толще Денисовой пещеры. Поэтому и называют алтайцы эту пещеру «Аю Таш», что в переводе с алтайского означает «Медвежий Камень».

В многометровой толще пещерных отложений сосредоточена вся древнейшая история Северной Азии. Количество находок,

сделанных в пещере, превышает 80 тысяч: орудия труда, предметы вооружения, украшения, останки животных и растений. Руководитель раскопок в Денисовой пещере Михаил Васильевич Шуньков рассказывал, что здесь обнаружены остатки материальной культуры, которая по всем признакам соответствует культуре человека современного физического облика. Учёными были найдены не только каменные орудия, но и костяные. Причём обработаны они более современными способами. Например, были обнаружены миниатюрные, до пяти сантиметров, каменные иглы с просверленным ушком, различные украшения.

Найдённые украшения из камня — два фрагмента браслета из хлодитолита — перевернули современное понимание о первобытном человеке. Минерал очень редкий, при различном освещении он меняет свою окраску. На этом браслете были зафиксиро-

ваны следы внутренней расточки, при этом сверление было станковым. Такая технология получила распространение только в эпоху неолита и, казалось, никак не могла быть старше пятнадцати, максимум двадцати тысяч лет. А здесь — пятьдесят тысяч лет! В этом же слое были найдены бусы из скорлупы яиц страуса.

В 2010 году кропотливая работа принесла сенсационные результаты. Были обнаружены ногтевая фаланга мизинца девочки и зуб юноши, живших в пещере 45 тысяч лет назад. После ядерного и митохондриального ДНК-анализа в Лейпцигском институте им. Макса Планка мир облетела новость о том, что на юге Сибири обитал неизвестный ранее тип людей — денисовцы. Судя по всему, они являлись родственниками неандертальцев, однако представляли собой отдельную популяцию, имевшую принципиальные отличия как от современного человека, так и от неандертальцев. Популяция человека из Денисовой пещеры занимает промежуточное место между кроманьонцами и неандертальцами. Эта форма человека не появилась 30–40 тысяч лет назад на Алтае, а обитала там, начиная с периода 250–300 тысяч лет до нашей эры.

Таким образом, раскопки в Денисовой пещере имеют большое научное значение. Впервые здесь установлена строгая хронологическая последовательность развития и смены культур от эпохи раннего неолита до этнографической современности.

Денисова пещера является также интересным природным комплексом. Живописные ландшафты, необычные природные объекты делают эти места привлекательными для туристов. Горный воздух, обилие разнотравья, чистейшая вода способствуют быстрому восстановлению сил. Отсутствие внешних раздражителей приводит к гармонии с собой и миром.

КОНЬ

Если прижаться губами к замёрзшему стеклу, потом подуть на это место, то в окне появится круглая дырочка, в которую видны улица, калитка и Колькин дом напротив, через дорогу. Такую процедуру шестилетний Лёшка уже проделывал не один раз. Он высматривал своего лучшего друга Кольку: не идёт ли он к Лёшке. Но его всё не было. И Лёшке приходилось всякий раз или прогревать старую дырочку, или, припав губами к стеклу, делать новую, потому что старая быстро затягивалась льдом. «Если бы Колька знал, что я в гостях видел, он бы, конечно, прибежал. Да ещё как!» — думал Лёшка, с надеждой высматривая в окно своего дружка.

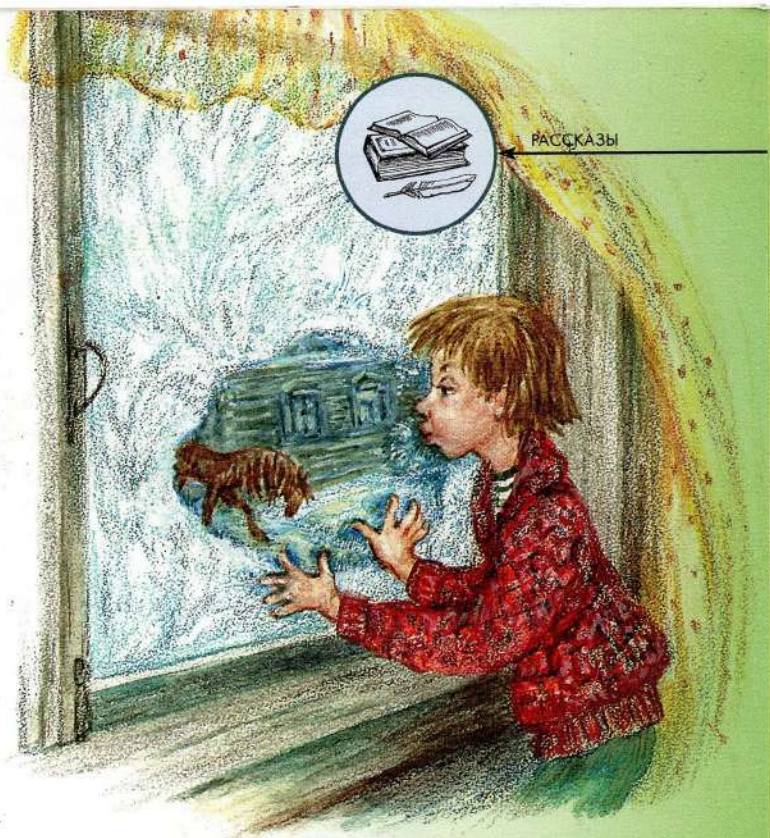
Дело в том, что Лёшка вчера вечером приехал с бабушкой от своего дяди Володи, который живёт в большом городе. И у них там есть электрический свет! Во всех комнатах лампочки под потолком и светло от них, как днём! А ещё — телевизор, по которому он посмотрел весёлый фильм. Главное чудо — телевизор. Вот чудо так чудо!

Мама с бабушкой не те слушатели, с кем можно было обсудить такие чудеса. Они только и знают один ответ: «Отцепись, репей. Не до тебя. Займись лучше делом». А какое у Лёшки может быть дело? Вот если бы на улицу, тогда конечно. Или сходить к Кольке. Но на улице сильный мороз, и Лёшку из дома не выпускают. «Наверное, и Кольку тоже», — думал Лёшка, но всё равно прогревал дырочку в окне в надежде, что Кольке, может быть, повезёт больше.

Мама с бабушкой то и дело бегали в сарай. Там должна была отелиться корова Зорька. И ещё они мелко крошили солому, заливали её кипятком в бадейке, размешивали там же булку хлеба и уносили корове. Это называлось «делать пойло». Лёшка знал, что кормить корову нечем. «Хоть бы соломы хватило до весны», — не раз он слышал и от бабушки, и от мамы. А ещё они говорили, что и у колхоза нет кормов, скотинадохнет.

На той неделе Колькин папа, дядька Петро, рассказывал, что на правлении решили раздать коней по дворам, может, хоть так уцелеют кони до весны, будет на чём пахать.

— Хотя и у людей откуда корма, откуда сено? У всех одинаково то жгло солнцем, то гнило в прокосах. Свою скотину не знаешь, как спасти, —

заметил на это другой сосед — дед Корней. — Была бы хоть картошка, а то уже семенную моя хозяйка варить начала, а ещё только февраль. Как дожить до весны — одному Богу ведомо.

Лёшка жил с бабушкой Химкой и с мамой. Вообще, бабушкино имя Ефимья Михайловна, но все в деревне звали её бабой Химкой. Лёшка называл её бабушкой и обращался к ней только на «вы». Так было принято в их семье. Даже Лёшкина мама Ольга, обращаясь к бабушке, говорила: «Мама, вы».

— Нет в доме мужика, вот и мучаемся, — говорила бабушка. — Некому и сена заготовить.

— А я? — спрашивал в таких случаях Лёшка. — Я же мужик!

— Конечно, кто бы спорил. Вон, посмотри, сопли по полу таскаешь, конечно, мужик, — соглашалась с внуком бабушка.

Лёшка шмыгал носом, вытирал рукавом не вовремя высочившие сопли и уходил, обиженно сопя. Вечно эта бабушка над ним смеётся. Ну, где же Колька? Лёшка приник губами к стеклу, стал прогревать дырку, чтобы посмотреть на улицу. Наконец дырка была готова, сейчас можно и посмотреть. Кольки не было. Но был конь. Прямо посередине улицы медленно шёл высокий, светло-коричневого цвета конь Герой. Кого-кого, а лошадей на колхозной конюшне местная ребятня знала очень хорошо. Лёшка не мог ошибиться — это был Герой. Конь шёл, то припадая головой к земле, то поднимая её, смотрел по сторонам. Как будто что выискивал. Наконец он остановился на том месте на дороге, откуда начиналась протоптанная в сне-

Когда потеплело и появились проталины, коней и коров стали выпускать в поле. Бабушка крестилась и говорила:

— Вот и слава богу! Дождались-таки весны!

Лёшка тоже был рад теплу. Вместе со своим дружком Колькой он днями пропадал на улице, то пуская ручьи, то плавая на льдинах.

А когда пришло лето, на семейном совете было решено: хватит Лёшке гонять собак, пора и делом заниматься. Тем более что осенью ему идти в первый класс, пускай зарабатывает на тетрадки.

— Его сверстники уже пошли в бригаду на работу. Пускай и он идёт водить коня, — подвела итог семейного совета бабушка.

Лёшка был на седьмом небе от счастья. Ещё бы! Все школьники на лето приходили на работу в колхоз. Работы всем хватало. Таким, как Лёшка, доверяли водить коня у ребяташек повзрослее, которые уже стояли за плужком-окучником и окучивали картошку или свеклу. А чтобы конь шёл ровно, не выходил из борозды, нужны были такие, как Лёшка. Они брали коня под уздцы и вели его строго по борозде.

В первый рабочий день Лёшка был назначен в помощь к десятилетнему Грише, которому уже доверяли окучивать, а потом и боронить картошку в садах. Таких пар было шесть.

В обязанности помощников входило: поймать коня на лугу, что вдоль речки недалеко от конюшни, где они паслись после ночи, накинуть на голову коню уздечку, распутать коня и привести его на конюшню. Здесь надо было надеть коню хомут, засупонить, то есть стянуть супонью хомут, и зацепить плужок. Только потом можно было сесть на коня верхом и ехать к месту работы. Старшие ребяташки до работы добирались на велосипедах.

Конюх дед Тихон критически оценил Лёшку, как будто никогда не видел, хотя только вчера кнутом гонял его и Кольку с чердака на конюшне.

— Так, работничек. Иди, лови Героя. Ты его спасал, а он из тебя человека делать будет. Долг платежом красен, — засмеялся дед Тихон и подал Лёшке хомут и уздечку. Лёшка просунул руку в хомут и поволок его к плужку. Надо было идти ловить коня.

Взяв уздечку, Лёшка пошёл на луг. Сказать, что он трусил — значит ничего не сказать. Он боялся, да ещё как! А вдруг конь не подпустит к себе или не даст надеть уздечку — поднимет голову, и всё. Или ещё хуже: возьмёт и убежит от Лёшки. Это же будет такой позор, что страшно подумать. Все будут говорить: «Да он коня поймать не может!» Такое не пережить. Лёшка уже готов был расплакаться. Однако когда увидел, что Герой лежит, отдыхает, настроение у него

сразу изменилось. Смело подойдя к коню, мальчик сразу же надел уздечку, пока конь лежал, и стал гладить его шею.

— Молодец, Герой! Хороший коник. Ты меня уже забыл, да? Ну, давай вставай, — начал просить его Лёшка и дергать за узду.

Конь вскочил сразу, рывком, и, гордо подняв голову, стал потягиваться. В этот момент Герой был очень красив! Он высоко поднимал голову, немного наклоняя её вперёд, сам весь вытягивался, всё тело его напрягалось, хвост пружинился. Лёшка залюбовался конём. Может, поэтому его называли Героем, таким он был красивым.

Распутав коня, Лёшка осмелел. Привести коня за уздечку — это и дурак сможет, решил он. А вот если приехать на конюшню верхом — другое дело. Все друзья от зависти попадают!

Лёшка начал осуществлять свой план. Во круг — ни пня, ни деревца. Значит, надеяться надо только на себя.

Перекинув уздечку через голову Героя, Лёшка уцепился руками за холку и гриву, стал подтягиваться на руках. Конь стоял, не шелохнувшись. Первая попытка успехом не увенчалась. Надо сказать, что вся ребятня в деревне летом ходила босиком. Лёшка не был исключением. Во второй попытке Лёшка опять уцепился за холку и за гриву Героя, стал подтягиваться на руках, одновременно упираясь своими босыми ногами в переднюю ногу коню. Опять неудача. Тогда конь подогнул передние колени, и его спина стала досягаемой. Лёшка мигом уселся на неё, не веря в своё счастье.

Нёс его Герой бережно. То ли потому, что наездник был слишком мал, то ли вспомнил лютую зиму и тазик с хлебом, который Лёшка выносил ему каждый день. Кто его знает?

Художник Л. Зубарёва

Ольга Такмакова

Песня моего детства

Ветер треплет ковыль.
Ай, дорожная пыль горяча!
Мне босые ступни
Жгут июльские дни,
Отдалённой грозой грохоча!

Ветер треплет ковыль...

Ветер птицей летит!
Ой, развяжется лента в косе!
Упаду на траву,
Земляничку сорву,
Погрожу любопытной осе.

Ветер птицей летит!

Ветер песню поёт!
Эй, кузнечик, играй веселей!
Вот бы дождик прошёл!
До чего ж хорошо
На просторах родимых полей!

Ветер песню поёт!
Ветер птицей летит!
Ветер треплет ковыль...

Валентина Новичихина

Откуда берутся дети?

— Откуда берутся дети? —
Я всем задавал вопрос.
И дедушка мой ответил:
— Нам аист тебя принёс. —

А бабушка мне сказала:
— В капусте тебя нашли. —
А дядя шутил: «С вокзала
В корзине его принесли...»
Я знаю — неправда это!
Мама меня родила.
Я только не знаю ответа:
Где меня мама взяла?
Сестра на меня кричала:
— Ты голову всем вскружил! —
А я начинал сначала:
— А где я до мамы жил? —
Никто эту тайну из взрослых
Мне так объяснить и не смог.
Лишь папа ответил просто:
— Ты жил в моём сердце, сынок!

Валерий ТИХОНОВ

Будущий форвард

Январская полночь.
Крещенский мороз.
А мой хоккеист лупит шайбу всерьёз!
Мальчишка — известный в округе боец —
гоняет...

И как ему не надоест?!

Друзья его спят.
Видят первые сны.
Ему же победы, победы нужны!
Ему аплодирует эхо пока.
Вы видели, может, того игрока?

Вот так чемпионы себя создают —
из пота, из нервов, забыв про уют.
Ах, скорость!
Ух, резкий крутой разворот!

Ирина Цхай
Художник А. Мешкова

СКАЗКИ
ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК
И БРАТИШЕК

Гордая Слива

И щёлкает
шайба
о крашеный борт!

Валентина Крюкова

Где ты, мама?

Посвящается детям-сиротам

Не отпускает прошлое
меня упрямо.
Походку лёгкую твою
я помню, мама...
Ты где-то очень далеко,
и всё же верю:
Ты вспомнишь обо мне,
придёшь, откроешь двери...
Я для тебя пою,
услышь меня, Родная!
В эфир слова мои летят,
к тебе взывая.
Узнать меня среди других
теперь не просто...
Я изменился, повзрослел
и вышел ростом....
Но только в снах своих, мечтах
с тобою рядом.
Ты приезжай, узнаю я
Тебя по взгляду.
Мы будем плакать, скажешь
Ты слова прощенья.
Не стану я Тебя судить
за прегрешенья...

Нет ближе мамы и родней
на Белом свете!
И к сердцу, и к любви Её
взывают дети...

Жила-была Слива. Когда-то она на ветке росла, а теперь жила в банке под жестяной крышкой в сладком сиропе.

Но жизнь у Сливы была несладкая. Днём и ночью ей не давала покоя одна и та же навязчивая мысль: ну почему она не Дыня — большая, гордая и одинокая? Лежала бы на полочке, верёвочкой обвязанная, а не парилась бы в темноте с сестричками вперемешку.

Злилась Слива, злилась, да и лопнула и плесенью покрылась.

Хозяйка банку открыла и выбросила гордичку в мусорное ведро.

Слива больно стукнулась о стенку, но подумала: «Зато теперь не будет тесно!» Но тут на Сливу обрушился такой град очистков, огрызков и бумажек, что она чуть не упала в обморок и из последних сил стала карабкаться к краю ведра...

Очнулась Слива в каком-то тёплом, узком даже для неё коридорчике. Это была мышиная норка. В норке жил мышонок Федя. Мышонок был совсем маленький. У него была сломана лапка. А маму съела кошка.

Федя никогда в жизни не видел слив. Он спросил затаив дыхание:

— Здравствуйте, вы кто?

Слива смутилась и сказала:

— Я — Дыня... — И, помолчав, добавила: — Ну, только маленькая.

А подумав ещё, совсем тихо уточнила:

— Сливой зовут.

Космонавт № 2

Г. С. Титов

Герман Степанович Титов (1935–2000) — Герой Советского Союза, самый молодой космонавт в истории и первый человек, совершивший длительный космический полёт продолжительностью 25 часов 18 минут. Считается, что помнят всегда только первых. Это неправда, во всяком случае, по отношению к нашему знаменитому земляку-космонавту Герману Степановичу Титову.

Родился будущий космонавт 11 сентября 1935 года в селе Верхнее Жилино Косихинского района Алтайского края. Отец — Степан Павлович был учителем, писателем, играл на многих музыкальных инструментах, рисовал, писал стихи и песни. Мама — Александра Михайловна занималась домашним хозяйством и воспитывала детей: сына Германа и дочь Земфиру. Герман Титов в мальчишеские годы не мечтал стать лётчиком. Интерес был к другому. В школе увлёкся техникой. Самой первой машиной, которую освоил Герман, был старенький киноаппарат в сельском клубе. Потом его занимал автомобиль, и он не успокоился, пока не научился его водить. Были трактор, радиотехника, школьный радиозузел и даже маленькая электростанция в Налобихинской школе, где Герман Титов в 1953 году окончил 10 классов. Когда на призывной комиссии в военкомате его спросили, куда он

хочет пойти служить, без колебаний ответил: «В авиацию, в лётное училище». На это решение повлияла встреча с военным лётчиком, посетившим незадолго до этого школу. «Уж больно форма у него была красивая!» — вспоминал впоследствии Герман Титов. С 1953 по 1957 год обучался лётному искусству сначала в Кустанае, затем в Сталинградском военном авиационном училище. Служил в военно-воздушных силах в Ленинградском военном округе, осваивал новые типы самолётов, а на орбите Земли летали первые советские спутники, и всё чаще звучало новое слово «космос». Герман Титов стал одним из двадцати «счастливчиков», которых отобрали после строжайшей медкомиссии в первый звёздный отряд. Началась подготовка к первому космическому полёту. 12 апреля 1961 года в космос поднялся Юрий Гагарин, дублёром первого космонавта назначен Герман Титов. Полёт в космос продолжался 108 минут. После успешного приземления Юрия Гагарина Герман Титов приступил к тренировкам и подготовке к суточному полёту в космическое пространство. 6 августа 1961 года Герман Титов на космическом корабле «Восток-2» стартовал в космос, его полёт длился более суток: 25 часов 18 минут, за это время космический спидометр отсчитал 700 тысяч километров и семнадцать оборотов вокруг Земли. Герман Титов стал первым в мире космическим фо-

Семья Титовых

тографом, впервые принимал космическую пищу, спал в космосе, дважды управлял вручную космическим кораблём, делал записи в бортовом журнале. Впервые в мире были прожиты первые космические сутки! Это

Первые минуты после приземления

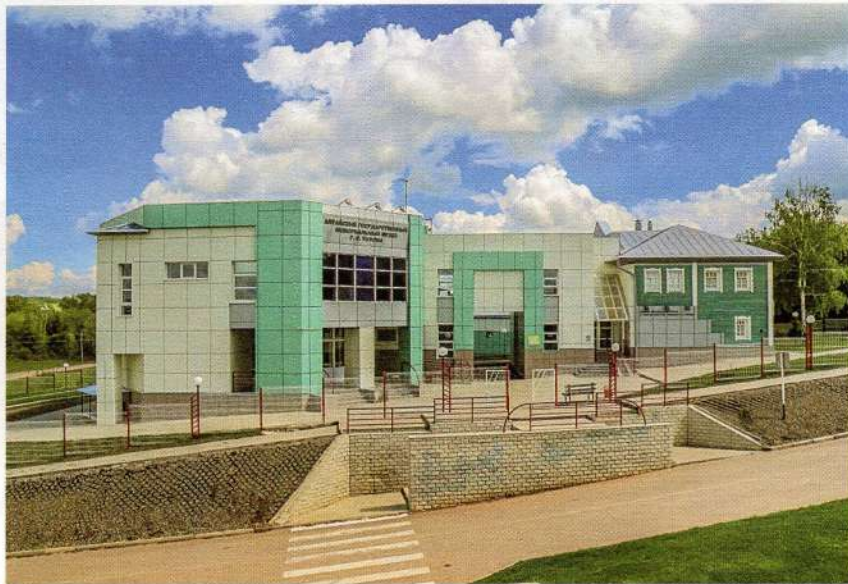
была новая веха в развитии космонавтики, важный этап в науке.

Спускаемый аппарат с космонавтом на борту приземлился вблизи посёлка Красный Кут Саратовской области. На момент полёта Герману Титову было 25 лет, и до настоящего времени он является самым молодым из всех космонавтов, побывавших в космосе. За успешное осуществление космического полёта и проявленные при этом мужество и героизм майору Титову Герману Степановичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Вся дальнейшая жизнь Германа Титова тесно связана с космонавтикой. Он продолжал учиться и после полёта окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского, затем Военную академию Генерального штаба, занимал высокие должности в Главном управлении космических средств Министерства обороны СССР, избирался депутатом Государственной думы. Герман Степанович мечтал стать и самым по-

жилым космонавтом, но не все мечты сбываются. Скончался Герман Степанович Титов 20 сентября 2000 года, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

В родном селе Полковниково открыт современный музейный

комплекс — Алтайский государственный мемориальный музей Г. С. Титова, макеты космических кораблей и спутников, предметы нумизматики и фалеристики, а также продукты питания космонавтов, которые каждый посетитель может приобрести в сувенирной лавке музея. Здесь можно ощу-

КГБУ Алтайский государственный мемориальный музей Г. С. Титова

комплекс — Алтайский государственный мемориальный музей Г. С. Титова, экспозиции которого знакомят с историей космонавтики, жизнью и подвигом Германа Титова, рассказывают о семье космонавта. Гордость музея составляют коллекции личных вещей Г. С. Титова, фотографии и газеты 1960-х годов с автографами

себя настоящим лётчиком, примерив виртуальный шлем авиационного симулятора. Объектами музейного показа являются установленные на усадьбе музея учебный самолёт Л-29, спускаемый аппарат «Союз ТМА-21» <http://www.ustyug-museum.ru/> и антенная система из состава радиолокационной станции «Кама-А».

6 августа 1961 год. Перед стартом

Владимир Свинцов

Мой друг Сенька

ЖИВОЙ
УГОЛОК

Отрывок

Усыновление

Щенок лежал в траве у забора и отчаянно скулил. Был он ещё совсем маленьким, слепым и беспомощным и возбуждал такую жалость, что мы с сыном Игорем, не колеблясь ни минуты, потащили его домой. Коричневая короткая шерстка, очевидно, грела ещё плохо, и щенок сильно дрожал. Но на руках быстро пригрелся, засопел крошечным носом и затих.

Дома Игорь соорудил щенку ужин — подогрел молока, налил в блюдце. Но он ещё не мог самостоятельно есть. Слабые лапки плохо держали, и щенок ползал на брюхе возле блюдца, тыкался незрячей мордашкой в пол и плакал:

— Ой-ой! Ой-о-ой! — Выходило это у него так тонко, так слёзно, что даже кошка оставила своих котят на коврике у печки и с любопытством смотрела на плаксу. Потом стала осторожно красться к нему, усиленно нюхая воздух.

— Это ещё что за чудо? — говорил весь её вид. — И чего так пищит?

И вдруг грозно выгнула спину, встопорщила шерсть, зашипела, но, сообразив, что в щенке и собачьего-то всего один запах, брезгливо фыркнула:

— Фу! Не собака, а так себе... — и принялась лакать из блюдца молоко, которое мы налили щенку. Делала она это не спеша, аккуратно, с достоинством.

Щенок на мгновение замер, прислушиваясь. Потом пополз к кошке, отчаянно взвизгивая:

— Ой-ой-ой-ой!

Кошка, перестав есть, вновь встопорщила шерсть и зашипела сердито:

— Не подходи!

Щенок продолжал ползти. Кошка подняла лапу для удара, но передумала и поспешила к себе на коврик, всем своим видом показывая:

— А, неохота связываться...

Она улеглась на своём месте, и котята кинулись к ней, подняв радостный писк. Щенок пополз на этот звук. Он перестал скулить и двигался медленно, неслышно. Кошка, не чуя опасности, дремотно закрыла глаза и замурлыкала:

— Мур-мур. Ешьте, детки, молоко...

Котята и так старались изо всех сил.

Щенок подполз ближе. Вот он уже совсем рядом. Замер на мгновение, очевидно, точнее определяя направление, и ткнулся в кошачий бок. Кошка открыла глаза и вскочила, как подкинутая пружиной. Котята недовольно запищали:

— Где мама? Где мама?

Щенок молчал.

Кошка обнюхала его, грозно подняла лапу. Щенок лежал неподвижно, словно забытая детьми игрушка. Но кошка не спускала с него настороженных глаз: «Это ещё что такое?! Что ему здесь нужно?»

Щенок молчал и не шевелился. Зато котята полезли к матери, требуя молока. Кошка неохотно улеглась. Котята радостно затеребили её. Чуть двинулся и щенок. Кошка хотела было подняться, но котята не дали. Щенок ещё подвинулся. Кошка предупреждающе зашипела: «Пш-ш! Куда? Ну-ка назад!» — но щенок уже нашёл свободный сосок и припал к нему. Кошка, повернув голову, брезгливо обнюхала его, фыркнула и, наконец, стала осторожно, чтобы не потревожить котят, слизывать со шкурки щенка ненавистный ей собачий запах.

Так щенок, которого Игорь потом назвал Сенькой, обрёл мать, а наша кошка — приёмого сына.

Сенька растёт

Сенькин день начинается рано. Только солнышко заглянет в окошко, Сенька просыпается, потягивается, зевает и, вдруг что-то вспомнив, стремительно выкатывается на кухню. Останавливается в раздумье: что раньше сделать? Поколебавшись мгновение, мчит к входной двери. Если она открыта — переваливается через порог, выбегает на крыльцо. А если дверь закрыта, то ещё лучше, далеко не бегать, и он тут же присаживается и с самым невинным видом делает лужу. Потом, очень довольный, отправляется искать еду. Одно главное дело он сделал только что, теперь — самое важнейшее. Бывает, что еду он находит сразу и наедается так, что живот раздувается, как мячик. Тогда Сенька довольно кряхтит и, еле передвигая лапы, тащит туго набитый живот на коврик. Бесцеремонно расталкивает ещё спящих котят, своих молочных братьев и сестёр, укладывается посередине и засыпает.

Через час-полтора Сенька просыпается. Потягивается. Зевает. Вскрикивает. Катится к входной двери. И всё повторяется — опять лужа, опять поиски пищи... Иногда поиски затягиваются. Тогда Сенька начинает нервничать. Он катится в одну комнату, в другую... И, наконец сообразив, что так можно остаться голодным, поднимает отчаянный крик.

— Ай-яй-яй-яй! — кричит он. — Не дают мне есть. Ай-яй-яй! Умираю с голода. Умира-а-а-ю-ю!

На его крик спешит кошка. Она готова броситься на любого, кто посмеет обидеть её приёмыша. Но, выяснив причину шума,

она ложится и кормит Сеньку своим молоком. На несколько минут становится тихо. Кошкиного молока Сеньке явно не хватает. Он только раздражил аппетит.

— Ай-яй-яй-яй! — ещё горше плачет Сенька. — Совсем умираю-ю!

Кошка лижет его, успокаивает, но Сеньке сейчас не до нежностей.

— Ай-яй-яй! Ой-ей-ей! Совсем умираю-ю-ю-ю!

Кошка начинает волноваться, тщательно обнюхивает Сеньку и, видимо, убедившись в близости голодной смерти своего любимца, тоже начинает кричать:

— Мяу! Мяу! Накормите же его! Мяу! Мяу! Он почти не дышит! Мяу!

Котята сбегаются на крик матери, сначала таращат глаза, а затем нет-нет да и вставят свои тоненькие голоса:

— Мя! Мя! Умирает Сенька! Умирает братец!

Воодушевлённый поддержкой родни, Сенька начинает выть:

— У-у-у-у! У-у-умираю-ю-ю-ю-у-у-у!

Получается отличный концерт:

— Ай-яй! Мяу-у-у! У-у-у! Мя! Мя! Ой-ей!

Первым не выдерживает Игорь — достаёт банку с молоком. Сразу же наступает тишина. Сенька настораживается и катится к тарелке. А шустрые котята уже здесь. Но ведь умирает с голода только один Сенька?! Поэтому он расталкивает их и принимается торопливо лакать. От жадности захлебывается, кашляет, но не останавливается, пока тарелка не приобретает первоначальный блеск. Покончив с едой, Сенька блаженно жмурит глаза, облизывается и ползёт на своё место. Укладывается поудобнее и закрывает глаза.

Теперь можно покормить и котят. Но только раздаётся звук льющегося молока, как Сенька уже тут как тут. Отталкивает котят от тарелки и снова принимается лакать. Остановится, отдохнёт и опять...

Закрываем обжору в другой комнате. Котята едят медленно, нехотя, видно, что не голодны, и часто поднимают головы, прислушиваясь к истошным Сенькиным воплям за дверью.

— Ой-ей-ей! Ой-ей-ей-ей! — орёт он. — Обманули! Не накормили! Ой! Ой-ей-ей-ей! Умираю!

Ел Сенька так много, что мы часто беспокоились за его желудок. И беспокоились напрасно. Сенька рос быстро, хотя и был очень толстым.

Игорь души в нём не чаял. Да и я, признаюсь, тоже.

Ради любви К ИСКУССТВУ

Елена Ожич
Художник Л. Зубарёва

Скрипач Котин однажды пришёл в класс с фингалом под глазом. Нет, Котин и раньше приходил с синяками, все давно уже к этому привыкли. Но в этот раз котинский фингал был совершенно выдающийся: во-первых, он был раза в три больше, чем обычно, во-вторых, глаз распух и почти закрылся. В-третьих, Котин даже принёс справку из травмопункта, чтобы его временно освободили от занятий в школе.

Конечно, такой фингал никак не мог остаться незамеченным. Все обступили Котина и стали расспрашивать, а девочки — даже жалеть его.

— Ого, Котин, вот это «финик»!

— Бедный Котин!

— А всё скрипка проклятая, — пожаловался Котин. — Как идёшь со скрипкой в музыкальную школу, так обязательно схлопочешь!

— Точно-точно, — сказал домрист Левченко, который тоже не один раз приходил в школу с синяками. — Подтверждаю! Когда иду с домрой, так обязательно где-нибудь хулиган встретится! Как будто специально меня поджидает!

— И меня, — сказала Таня Корочкина, которая училась играть на фортепиано и поэтому ходила в школу с одной нотной папкой, — один раз даже в грязь толкнули.

И все трое стали хором говорить о том, что, возможно, пора бы и бросить занятия музыкой, так как они становятся весьма опасными для здоровья.

В этот день Димка Мишин решил записаться в музыкальную школу. Он что, больной, спросите вы. Только сумасшедший человек может записываться в «музыкалку», когда другие из неё бегут. Да нет, Димка Мишин был вполне

здоровым, даже очень. Более того, Димка Мишин был самым здоровым мальчиком в классе — при росте метр сорок он весил пятьдесят три килограмма и в школьной столовой на обеде всегда брал вторую порцию.

И Лёха, друг Димки Мишина, тоже записался в музыкальную школу. Но перед этим у них был тайный совет. Они собрались у Димки дома на веранде, и Димка сказал:

— Я считаю, это несправедливо! — и рассказал про Котина, Левченко и Корочкину. — Надо убедить хулиганов в том, что нельзя бить человека только из-за его любви к музыке!

В музыкальной школе преподаватель посмотрел на Димку Мишина и его друга с недоумением — эти двое, явно не обладая ни слухом, ни голосом, пришли вдруг, посреди учебного года записываться на отделение струнных: один —

на скрипку, а другой — на домру.

Преподаватель как представил изящную скрипку, зажатую в кулачищах Димки Мишина, так сразу схватился за сердце. Он бы отправил их восвояси, но молодые люди уже который час демонстрировали в его кабинете завидное упорство и виртуозное владение искусством убеждения.

— Но надо! — горячо настаивал Димка Мишин. — Вы понимаете, во, как на-

— Хорошо, — сдался педагог и записал Димку Мишина и его приятеля Лёху в класс баяна.

Родители Димки движение его души в сторону прекрасного тоже оценили и сказали:

— Занимайся. Но пока возмём инструмент в прокате. Вдруг ты ещё передумаешь...

И родители взяли в прокате баян с перламутровыми клавишами.

На следующий день Димка взвалил на себя короб с инструментом и поволок его в музыкальную школу:

— Зачем? — вытаращил глаза педагог по классу баяна. — Это же вовсе не обязательно! На своём инструменте вы будете заниматься дома, а в школе мы, так и быть, найдём для вас какой-нибудь баян!

Но Димка промолчал и продолжал таскать с собой баян в деревянном коробе, выстланном изнутри красной байкой. Он же не мог признаться в том, что баян нужен ему как приманка. На баян Димка собирался ловить Варнакова — главного хулигана, от которого не раз страдали Левченко и Таня Корочкина. И это именно Варнаков поставил скрипачу Котину под глаз тот самый выдающийся фингал. Если бы Димка ходил без баяна, то Варнаков ни за что не догадался бы о том, что Мишин тоже теперь учится музыке.

По дороге в музыкальную школу Димка и Лёха несли баян по очереди. Пока один пыхтел и обливался потом, другой высматривал, не притаился ли где в кустах Варнаков со своими хулиганскими замашками наготове.

Так друзья ходили в музыкальную школу примерно с месяц. За это время Варнаков отобрал у Корочкиной папку с нотами и закинул её на крышу гаража. Левченко он столкнул в котлован с водой, а у Котина оторвал рукав куртки.

А Димке и Лёхе на их пути хулиган Варнаков не встретился за этот месяц почему-то ни разу. Ничего, решили приятели, потерпим. Ради торжества справедливости и любви к искусству. И продолжали на занятиях жать неуклюжими пальцами на перламутровые кнопки, писать диктанты по сольфеджио, учить биографии композиторов и петь в хоре.

Однажды вечером, когда Димка нёс свой баян из музыкальной школы, пришёл и его черёд пообщаться с врагом всех местных юных музыкантов.

— Так-так, — сказал Варнаков, выходя из-за куста, который рос в тени одного дома на тёмной узкой улочке. — Кого я вижу? Димка Мишин, ты ли это?

Варнаков был на два года старше, но учился в парал-

до! Ради любви к искусству! Если вы нас не примете, то рискуете потерять лучших музыкантов! Гениев! Творцов! Будущее музыки под угрозой!

Он, конечно, не себя имел в виду, а Котина, Левченко и Корочкину, которые собирались бросить занятия в музыкальной школе из-за того, что их частенько преследуют хулиганы. Но преподаватель подумал, что Димка Мишин говорит о себе и своём друге. И, поддавшись его напору, начал вдруг сомневаться — а вдруг и вправду будущие гении сидят сейчас перед ним?

лельном третьем классе, потому что уже дважды был оставлен на второй год. У Варнакова был старший брат, который уже отслужил в армии, и этот факт почему-то давал Варнакову моральное право унижать других, хотя брат ни в какие его хулиганские дела не вмешивался, а только приходил на собрания в школу вместо родителей, а после дома, по слухам, воспитывал Варнакова-младшего ремнём по мягкому месту.

— Ну, я, — сказал Димка, сваливая с плеча короб с баяном на землю.

— А это у тебя что? — спросил Варнаков, цыкая слюной в дорожную пыль и тыкая носком ботинка в футляр. — Вы что, баян из «музыкалки» спёрли?

— Ногу убери, — сказал Димка. — Это музыкальный инструмент, между прочим.

— Так ты, что ли, тоже? Того? — и Варнаков, шевеля пальцами, развёл руки в стороны, как будто сам играл на баяне. — Лабух? Мишин, ты — лабух?

И главный хулиган среднего школьного возраста схватился за живот и перегнулся от смеха пополам:

— Нет, ну я понимаю, эта фифа Корочкина! — Варнаков даже сделал вид, что утирает слёзы, так ему было смешно. — Или этот очкарик Котин! Но ты, Димон?

Тут Варнаков резко перестал смеяться и сказал, будто бы сильно огорчившись:

— Ты разочаровал меня, Димон. Разве я не предлагал тебе самых разных хулиганских дел? Мы б тут такое могли творить, ух! А ты...

Никаких, конечно, хулиганских совместных дел Варнаков ему не предлагал, потому что Димкин отец был директором школы, а связываться с директором школы — это себе дороже. К тому же Димка любил читать книги и изобретал всякие разные штуковины у отца в гараже, так что хулиганскими делами ему заниматься было совсем некогда. Да и твердые моральные принципы никогда бы не позволили Димке Мишину пой-

ти на разбой и угнетать тех, кто слабее его. Поэтому он ответил Варнакову просто:

— Ты тёмный человек, Варнаков, и не понимаешь, что музыка даже из самого нехорошего человека может сделать вполне добродушного и умиротворённого.

Я же говорю, что Димка любил читать книги и поэтому знал и не такие мудрёные слова, как «умиротворённый». Варнаков же книг не читал, и поэтому решил, что Мишин над ним издевается. Варнаков замахнулся и попробовал дать Димке в глаз, но Димка увернулся и провёл на Варнакове приём «бросок через плечо». Варнаков упал прямо на короб с баяном и мстительно прошипел:

— Ах, ты так, значит... Мы ещё посмотрим, кто тут тёмный и умиротворённый!

На следующий день Димку недалеко от городского стадиона подкараулил Варнаков с его приятелями.

— Ну, что, — сказал главный хулиган, — сейчас кто-то тут на гармошке

доиграется! Мы тебе пальцы быстро переломаем!

Но все приятели у Варнакова были какие-то мелкие, тщедушные. Какие-то отпетые второклассники, рано начавшие курить и ни разу в жизни не заглянувшие в спортзал. Поэтому крепкий, спортивный и некурящий третьеклассник Димка легко взял за шиворот двоих, тряхнул слегка, а потом поставил на землю и не больно поддал ногой под зад сначала одному, а потом другому. Отпетые второклассники отбежали на безопасное расстояние и оттуда крикнули:

— Варнаков! Чего это он? Мы так не договаривались! Мы лучше очкарика Котина бить будем! Или этого, с балалайкой, Левченко!

И убежали, оставив своего хулиганского вождя с Димкой один на один.

На следующий день Варнаков с отпетыми второклассниками обстрелял из рогатки Таню Корочкину, которая бежала до самой музыкальной школы, прикрываясь папкой с нотами. На скрипача Котина они с балкона кинули пакет с водой. В домриста Левченко пульнули из-за угла дохлой крысой.

Димка Мишин понял, что метод ловли на живца особой пользы его друзьям не приносит, и решил сменить тактику. С этого дня Корочкина, Котин и Левченко стали ходить в музыкальную школу под конвоем. Так оказалось и удобнее, и безопаснее. Музыканты шли по улице клином: в середине — Таня, слева — Котин со скрипкой, справа — Левченко с домрой, в авангарде —

Димка, а с тыла прикрывал компанию верный друг Лёха.

Когда однажды на колонну с улюлюканьем и гиканьем налетели отпетые второклассники Варнакова, музыканты как по команде достали рогатки и бумажные бомбочки с водой и отбили атаку. А когда в Корочкину кинули дохлой крысой, Лёха так ловко отбил её ногой, что отвратительная тушка приземлилась Варнакову прямо на плечо.

— Фу! — закричал Варнаков, стряхивая крысу и поспешно ретируясь с поля боя.

А однажды Варнаков неосмотрительно попался на глаза компании без своих хулиганчиков. Он не придумал ничего лучшего, как отпрыгнуть на пару метров и прокричать дразнилку:

— Танька-манька-пианистка, дрессирована со сиска!

Но убежать не успел. Таня Корочкина, — зря, что ли, ещё в секцию лёгкой атлетики ходит, — догнала Варнакова в две секунды.

— Ребята, поддержите! — сказала Таня, и пока Димка с Лёхой придерживали трепыхающегося хулигана, поставила ему три звонких щелбана. Котин дёрнул хулигана за ухо, а Левченко поставил ему «сливку».

— Пятеро на одного? — завопил Варнаков. — Это честно?

— Беги-беги, — сказала ему в след Таня Корочкина, — и больше нам не попадайся!

На следующий день, и через неделю, и даже через две к музыкантам больше никто не приставал. Димка

с Лёхой поняли, что выполнили свою благородную миссию и решили бросить музыкальную школу.

— Ну, как же это так? — всплеснул руками педагог по классу баяна. — Пусть не всё у вас продвигается гладко, но некоторые успехи всё-таки есть! Тебя, Дима, я хотел включить в концерт с номером «Во саду ли, во огороде». А ты, Лёша, вполне мог бы исполнить «В траве сидел кузнечик»...

Но Димка с Лёхой были непреклонны. У Димки в отцовском гараже стояла почти собранная парусная тележка, а Лёха никак не мог допаять одну микросхемку. Эта музыка вместе с хулиганом Варнаковым отнимала столько времени! Но на концерт они придут обязательно, и Варнакова с собой приведут. Пусть Варнаков послушает, как замечательно играет на фортепиано Таня Корочкина, Вова Котин — на скрипке, а Миша Левченко — на домре.

Полина Акулова, с. Родино

Дождь

Меж хмурым небом и землёй,
Как холст прозрачный, он струился.
Окрепнув, сильный и прямой,
С могучим шумом вниз свалился.

Он долго всё ещё кипел,
В косматых тучах зарождаясь.
В песке горячем он шипел,
На сотни капель распадаясь.

Молниеносным блеском слёз
Сияли рощи и дубравы,
И лепестки промытых роз,
В лугах нескошенные травы.

Поля вдыхали дар небес,
Давая радостные всходы,
И зеленел высокий лес,
Впитав живительные воды.

Таня Тулинова, с. Панкрушиха

Моя Родина – Алтай!

Моя Родина — Алтай!
Уголок большой России.
Мой родной, любимый край
Дарит мне для жизни силы.

Красота его чарует:
Смотрят в небо цепи гор,
Тёплый ветер озорует,
Глядя в зеркало озёр.

Здесь пшеница золотая,
Словно солнце, льёт лучи!
Уголок земного рая,
Яркий, как огонь свечи.

Вокруг раскинулись леса,
Листвы сияя изумрудом —
Природы гордость и краса.
Дары лесов подобны чуду!

Но главный дар, конечно, люди,
Которых знает вся страна.
Их имена мы не забудем:
Труду их высока цена!

Моя Родина — Алтай!
Как лазурь, озёра сини.
Я люблю тебя, мой край!
В мире нет земли красивей!

Анна Вязунова, с. Панкрушиха

Этот мир...

Солнца рыжего восход,
Как подарок, круглый год.
Как прекрасно жить на свете
И мечтать о тёплом лете,
И нестись в своих мечтах
На воздушных парусах!
Побывать на Чёрном море,
Где волна с волною в споре,
Горы смело покорить,
Новую звезду открыть!
Вдруг рассвету удивиться,
В мир родной природы влиться.
О морях и океанах,
О прекрасных дальних странах
Всё расскажут нам мечты,
Если с ними мы на «ты».
Этот мир хорош, прекрасен.
Он, как мы, прекрасно-разен.
В нём и радость, и беда.
Мир — в душе моей всегда!

Нина Турулина, г. Барнаул

Милая Курья

Пусть в куклы я ещё играю
И городского стала я.
Но по тебе всегда скучаю,
Родная, милая Курья.

Села красивее не знаю,
Здесь вольно дышится кругом.
И каждый год я приезжаю
В любимый сердцу отчий дом.

Здесь сказку всё напоминает:
Цветущих яблонь аромат,
Луч солнца, что в листе играет,
И бабушкин любимый взгляд.

С ежом здесь можно повстречаться,
На речке цаплю увидеть,
Закатом солнца любоваться
И утренний рассвет встречать.

Гора Синюха, Колывань.
Места, что на весь мир известны.
Здесь красота, куда ни глянь.
И мне здесь очень интересно.

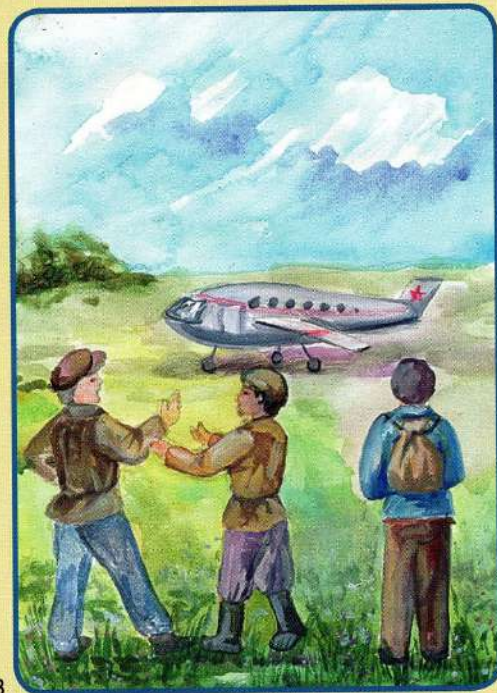
Пусть по щеке стечёт слезинка,
Но я скажу вам, не тая:
Я счастлива, что я курьинка,
Что моя родина — Курья!

НАШ ВЕРНИСАЖ

1

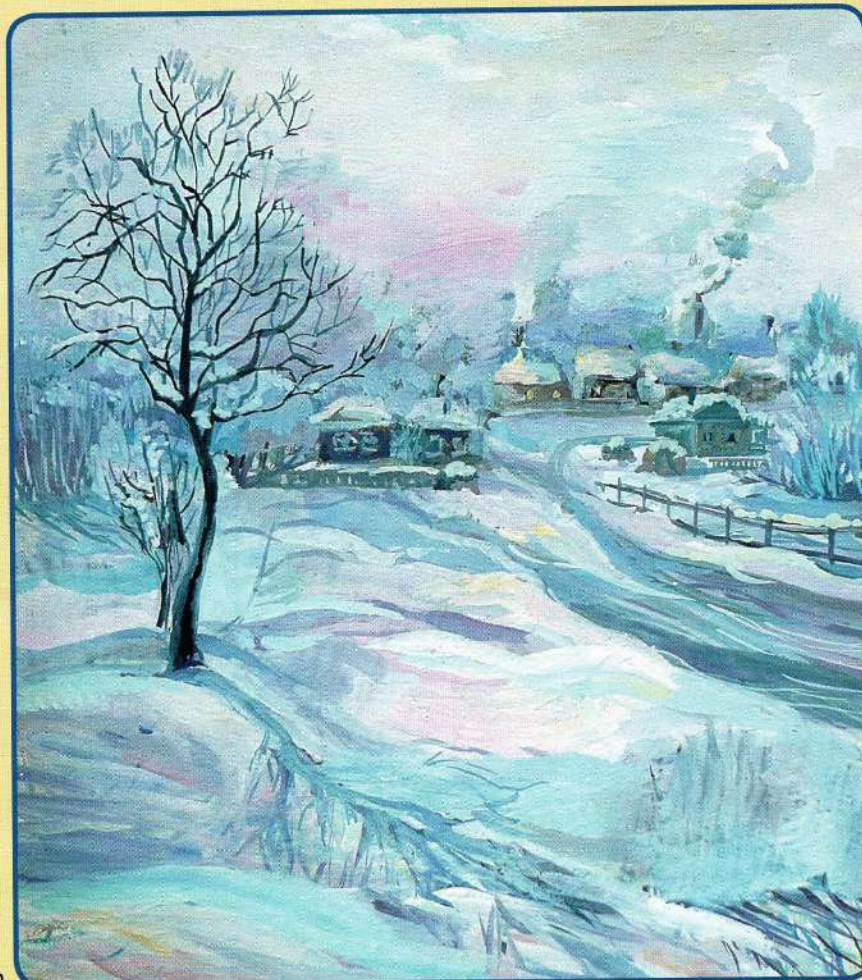
1. Казанина Валя, с. Сростки. К рассказу В. М. Шукшина «Первое знакомство с городом»
2. Мошегова Мария, г. Бийск. К рассказу В. М. Шукшина «Далёкие зимние вечера»
3. Брик Алена, с. Кытманово. К рассказу В. М. Шукшина «Самолёт»
4. Бурчакова Анна, г. Бийск. К рассказу В. М. Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала»
5. Гуськова Маргарита, г. Барнаул. К рассказу В. М. Шукшина «Срезал»

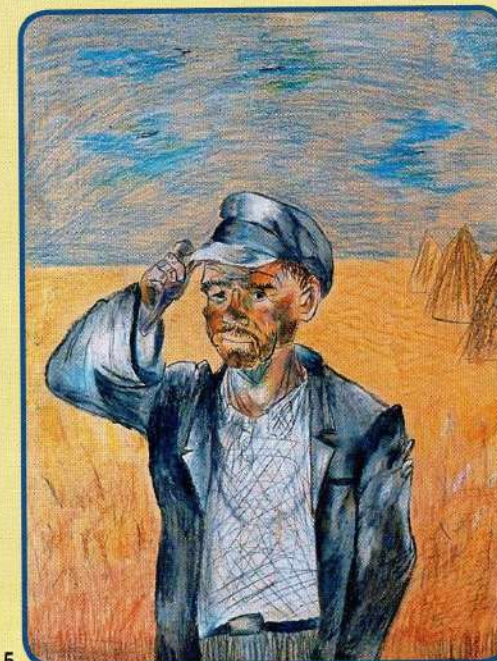
3

4

2

5

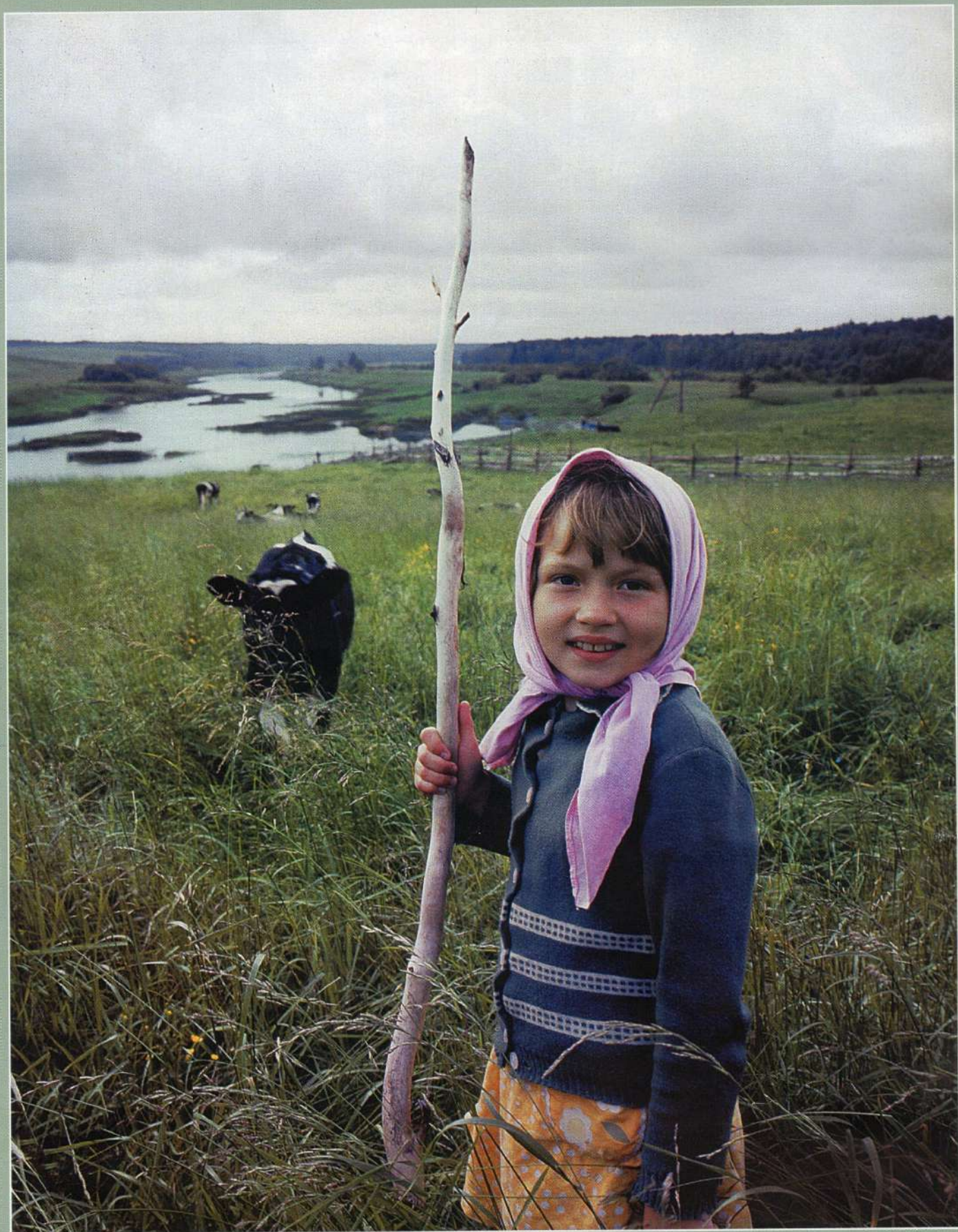

Фото А. Заболоцкого